ХАННА ХАУЭЛЛ
Бесценная награда
ШАРМ

Ханна Хауэлл

Бесценная награда

Серия «Мюрреи», книга 15

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17069653
Хауэлл, Ханна. Бесценная награда : [роман]: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-082607-0

Аннотация

В опасности не только земли, но и жизнь молодой вдовы шотландского лэрда Катрионы Маки – ведь жестокий сосед готов на все, чтобы завладеть ее имением…

Единственная надежда Катрионы на спасение – мужественный рыцарь Бретт Марри из свиты ее кузины Арианны, человек, о котором говорят, что слово «страх» ему неведомо. Однако суровостью отважный шотландец прикрывает свое пылкое сердце, раз уже познавшее горечь невосполнимой утраты. И он теперь опасается вновь поддаться страсти – страсти, которую пробуждает в нем прекрасная Катриона.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 20
Глава 4 27
Глава 5 34
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Ханна Хауэлл
Бесценная награда

Hannah Howell
HIGHLAND MASTER
Печатается с разрешения издательства Zebra Books an imprint of Kensington Publishing Corp. и литературного агентства Andrew Nurnberg.
© Hannah Howell, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

– Шесть всадников у ворот, миледи.

Катриона оторвалась от починки рубашки и посмотрела на юного Ангуса. Сердце у нее отчаянно колотилось, но она изо всех сил пыталась обуздать страх. Все было спокойно уже несколько недель, они от души наслаждались довольно долгим периодом мира, но, похоже, он подошел к концу. Сколько ни убеждай себя, что шесть всадников не представляют угрозы даже для ее жалкого гарнизона, пробудившаяся в душе тревога не уляжется. Банулт слаб. Она это знает, и любой опытный воин поймет это с первого взгляда.

– Гранты? – спросила Катриона, торопливо отложив шитье. Она цеплялась за слабую надежду, что это соседский лэрд со своими людьми – эти, по крайней мере, не будут стремиться перебить их всех.

– Нет. Один из всадников – женщина. Утверждает, что она ваша кузина. – Ангус поскреб на заостренном подбородке несколько тонких рыжих волосинок, которые гордо называл бородой. – Леди Ариадна.

– Ариадна? – Катриона нахмурилась, пытаясь вспомнить свою свойственницу, причем весьма дальнюю, если ей не изменяет память. – Она во Франции.

– Нет, миледи. Она у ворот.

В висках зарождалась боль, но Катриона подавила желание потереть их.

– Ну так отведи меня к ним, Ангус.

Тот пожал костлявыми плечами.

– Пожалуйста, но странно как-то – вы что, забыли, где находятся ворота? – И большими шагами направился к двери, ведущей в главный зал, поманив Катриону за собой.

Головная боль все усиливалась, пока Катриона шла следом, изо всех сил сопротивляясь соблазну как следует пнуть провожатого в тощий зад. Не знай она его с детства, решила бы, что тяжелая лихорадка, от которой Ангус чуть не умер два года назад, выжгла ему половину мозгов. Она тут же мысленно обругала себя за такие нехорошие мысли. Ангус умом не блещет и никогда не блистал, зато сердце у него доброе, и он на удивление свирепый и умелый воин. В Банулте их осталась лишь горстка, остальные давно сбежали во Францию и сражаются там за деньги. И пусть любой разговор с Ангусом дается с трудом, Катриона частенько мечтала, чтобы таких, как он, было у нее побольше. Последние заварушки не унесли ни одной жизни, но она боялась, что все в любой миг может измениться.

Но тут ее внимание привлекли всадники у ворот, и раздражение на Ангуса улеглось. Катриона узнала Ариадну мгновенно, несмотря на то что в последний раз видела ее давным-давно – эти золотые глаза просто незабываемы, но особый интерес вызвали, конечно, те пятеро, что прибыли вместе с кузиной. Все, как один, мужчины крупные, сильные и хорошо вооруженные. Не важно, с какой целью кузина явилась в Банулт; Катриона уже молилась о том, чтобы та вместе со своими охранниками задержалась подольше. По крайней мере, люди Ариадны смогут хоть немного поднатаскать ее гарнизон.

– Катриона! – закричала Ариадна. – Пожалуйста, вели своим людям опустить оружие! Мне срочно нужно спешиться.

– Всё в порядке, – сказала Катриона. – Впустите их и помогите с лошадьми.

Было трудно, но Катриона делала вид, что не замечает завистливых взглядов, которые бросали ее люди на прекрасных коней и превосходное вооружение гостей. Лучшее оружие и лошади Банулта отправились во Францию вместе с гарнизоном, а денег на замену не было.

Поняв, что им ничто не угрожает, во двор вышли женщины, с откровенным интересом поглядывая на пятерых крепких воинов Ариадны. Катриона мысленно составляла речь, с которой надо будет обратиться к женщинам Банулта, – предупредить их, что лучше хранить

целомудрие хотя бы потому, что им тут совсем не нужны внебрачные дети, когда к ней подошла кузина. Едва Ариадна обняла ее, как все мысли о нравственности (или ее отсутствии) женщин Банулта вылетели у Катрионы из головы. Ариадна ждала ребенка. Катриона очень надеялась, что этот неожиданный визит кузины не связан с ее беременностью. Меньше всего ей хотелось, чтобы у ворот появился некий разгневанный мужчина, требующий свое дитя.

– Кузина? – Катриона чуть отступила назад, сжимая руки Ариадны, и посмотрела на заметно округлившийся живот гостьи. – Ты беременна?

– Да, но если можно, об этом я расскажу тебе потом, – сказала Ариадна. – А прямо сейчас мне совершенно необходимо воспользоваться твоей уборной. – Она засмеялась. – Или ведром где-нибудь в уголке. Подойдет даже кустик, чтобы присесть за ним. Все, что угодно. Но быстро!

Из всех женщин рядом оказалась только Мэри, сестра Ангуса. Катриона вздохнула.

– Мэри, хорошая моя, пожалуйста, отведи леди Лусетт…

– Теперь Макфингал, – перебила ее Ариадна, – но об этом мы тоже поговорим позже.

– О да, обязательно.

– Моим спутникам нужна постель. Почти все они – мои родственники.

– Мэри, отведи ее милость в спальню, чтобы она могла освежиться.

– В какую спальню? – спросила Мэри.

– В любую, лишь бы чистую и пустую. И еще нам потребуется горячая вода, чтобы гости смыли с себя пыль после долгой дороги.

– Им тоже понадобятся спальни?

– Да, как только что сказала ее милость, но об этом позаботится кто-нибудь другой. А ты, пожалуйста, позаботься о ее милости и скажи, чтобы нагрели воды.

– Как я могу сделать и то, и другое?

Заметив страдальческое лицо кузины, Катриона велела:

– Просто скажи кому-нибудь из девушек, когда поведешь ее милость в спальню. Иди сейчас же!

Судя по тому, как расширились глаза Мэри, Катриона поняла, что ее нарастающее раздражение стало заметно по этому резкому приказу. К ее огромному облегчению, Ариадна взяла Мэри за руку и потянула девушку на поиски спальни, щебеча при этом без остановки, так что Мэри просто не могла больше задать ни одного вопроса. Нельзя сердиться на Мэри, и Катриона знала это, но иногда очень уставала от того, что не осталось вышколенных слуг, а это добавляло ей работы. Глубоко вдохнув и медленно выдохнув, Катриона занялась воинами, сопровождавшими Ариадну.

Один взгляд на пятерых мужчин, стоявших среди ее собственных людей, яснее ясного сказал Катрионе, что Банулт очень плохо подготовлен для отражения преследующих его бед. Все ее люди либо слишком стары, либо слишком молоды. Среди них есть неплохие воины, но серьезной угрозы они не представляют, потому что толком не обучены, и, судя по лицам вновь прибывших, этот печальный факт очевиден. Хорошо, что это союзники, решила Катриона, начиная давать распоряжения. Хотелось бы только, чтобы кузина представила ее своим людям. Когда знаешь имена, гораздо проще командовать.

К ней шагнул высокий черноволосый человек с искрящимися весельем глазами и поклонился.

– Сэр Бретт Марри, миледи. Только острая нужда лишила нашу Ариадну ее обычной безупречной учтивости.

Катриона присела в реверансе.

– Я леди Катриона Маки. Добро пожаловать в Банулт.

– Благодарю за радушный прием. А это мои спутники: мой брат сэр Аркур Марри, сэр Там Камерон, сэр Оуэн Макмиллан и сэр Каллум Макмиллан, – представил он, показывая на каждого по очереди, и каждый коротко поклонился.

Пять рыцарей, думала Катриона, надеясь, что выглядит не настолько ошеломленной, какой себя чувствует. Пять крупных, сильных, тренированных и благородных рыцарей. И все слишком красивы, чтобы женщина могла сохранять душевное спокойствие, решила она, заставив себя успокоиться и посмотреть по очереди на всех пятерых. Двое черноволосых Марри и трое их рыжеволосых товарищей, причем у четверых зеленые глаза чуть разных оттенков. Единственный, у кого глаза не зеленые – сэр Аркур. Его янтарные глаза очень напомнили ей волка, и она быстренько помолилась, чтобы его характер не соответствовал этому беспощадному взгляду. Впрочем, по-настоящему Катриону встревожило другое – несмотря на мужественные красивые лица четверых спутников сэра Бретта, ее взгляд не задерживался на них, а быстро возвращался к нему. От одного вида его высокой сухощавой фигуры у нее учащался пульс, а этого она никак не хотела.

Раньше пульс у нее учащался только при виде ее мужа, Бойда, несмотря на большую разницу в возрасте, и Катриона частенько гадала, не было ли это всего лишь предчувствием грядущей беды. А теперь, будучи двадцатипятилетней вдовой и матерью, она считала себя слишком старой и рассудительной для подобных глупостей. Да еще угнетала и ответственность, тяжело на нее давившая. Нет уж, пусть пульс учащается у женщин, от которых не зависит столько жизней, которым не нужно думать, чем накормить общину в следующий раз и как обеспечить всем необходимым.

– Позвольте проводить вас в ваши спальни, – сказала Катриона, поворачиваясь и направляясь к лестнице, ведущей в главную часть замка. – Боюсь, вы сочтете их весьма убогими по сравнению с тем, к чему привыкли, но зато они чистые.

– Я уверен, это как раз то, что нам нужно, – отозвался сэр Бретт.

Голос у него был низкий, с хрипотцой. Катриона ощутила невольный трепет, услышав его. В тот единственный раз, когда это случилось с ней раньше, все кончилось тем, что она вышла замуж за человека хорошего, но не испытывавшего к ней ни особой страсти, ни любви. Она видела доброту и интерес там, где имелись только отсутствие чувств и нужда в приданом. Крепко ухватившись за эти печальные воспоминания, она укрепилась духом, резко выпрямилась и постаралась как можно быстрее развести мужчин по их спальням.

– Тебе не показалось, что леди Маки прыгала из комнаты в комнату, как кролик, услышавший собачий лай? – спросил Аркур, начиная снимать заляпанную грязью одежду.

Бретт отвел взгляд от двери, в которую только что выбежала леди Катриона, и подошел к креслу у камина. Спальня была чисто убрана, но скудно обставлена простой незамысловатой мебелью. Камин свидетельствовал о том, что когда-то здесь водились деньги или же все имеющиеся деньги ушли на ремонт большого укрепленного замка, примыкающего к старой сторожевой башне. Он не сомневался также, что ради возведения высоких толстых стен, окружающих его, тоже пришлось опустошить сундуки.

– Возможно, она не привыкла к гостям, – произнес он, усаживаясь и снимая испачканные грязью сапоги.

– Тоже верно. – Аркур, оставшийся в одних брэ[1], подошел к окну и выглянул наружу. – Но что-то здесь неладно.

– Ты имеешь в виду, что все мужчины тут либо слишком молодые, либо слишком старые? Что по двору бегает целое войско детишек? Или, может быть, что деревня, которую мы проехали, наполовину пуста?

[1] Брэ – разновидность кальсон в Средние века.

– Все это, да еще и то, что они не похожи на людей хоть немного обученных. Скорее кажется, что им просто дали мечи и велели охранять общину.

– Да, это точно. В основном они вели себя, как юнцы, которых только начали обучать. Пара человек и вовсе уронили свои мечи, когда попытались вытащить их из ножен. Ариадна говорила, что ее кузина – вдова. Возможно, хорошо обученные воины, рыцари, отправились на поиски нового места, когда ими стала править женщина.

– Может быть. Существуют мужчины, которые такого не переносят. Не возражаешь, если я попытаюсь выяснить все, что смогу, о ее милости, о Банулте и живущих тут людях?

– Вовсе нет. Ариадна здесь, и она нуждается в защите. Брайан тронется умом, когда обнаружит, что она исчезла. И уж меньше всего мне хочется, чтобы он окончательно рехнулся из-за того, что мы охраняли ее без особого усердия.

В дверь резко постучали, и Аркур отошел от окна. Он открыл дверь, и в спальню торопливо вошли с полдюжины юнцов, тащившие большую деревянную ванну и ведра с водой. Вбежавшая за ними девушка сильно покраснела при виде полуголого Аркура, бросила на кровать белье и выскочила за дверь.

Бретт, глядя ей вслед, покачал головой. Похоже, даже слуги тут толком не знают свою работу. Определенно в Банулте что-то неладно.

Может, просто подойти к леди Катрионе и спросить напрямик, что происходит? Нет, пока не стоит. Во-первых, они не настолько хорошо знакомы, чтобы было понятно, правду ли она говорит, а во-вторых, Бретт опасался часто с ней встречаться. В ее присутствии в нем снова пробудились чувства, умерщвленные, казалось, много лет назад. И кровь быстрее побежала по жилам.

И это его удивило. В леди Катрионе не было ничего особенно соблазнительного, ничего такого, что многоопытный мужчина, познавший немало женщин, мог бы счесть привлекательным. Не высокая и не низкая, не пышнотелая, но и не тощая, и волосы у нее не каштановые и не рыжие, правда, длинные, густые и блестящие. Даже глаза не поддавались описанию – не голубые и не серые, какой-то странный оттенок. Лицо милое, но он видел много лиц куда милее. И все-таки что-то в ней привлекло его внимание и теперь не отпускало.

Бретт мысленно выругался. За прошедшие пять лет он имел мало дел с женщинами, что бы там ни думала его семья, хотя очень старался изменить это, в особенности во время предшествовавшего этим годам двухлетнего хмельного забытья. Трудно предаваться плотским радостям, когда перед глазами встает призрак утраченной возлюбленной. Ничто не может лишить мужчину желаний вернее, думал он. Это и чувство вины за ее смерть, такое же острое даже по прошествии семи долгих лет. Он больше не желал испытывать вожделение к женщинам, но не давало покоя ощущение, что леди Катриона Маки запросто может пробудить плотскую страсть.

Бретту нетрудно было представить себе Бренду, она всегда оставалась в его сердце – и слишком часто эти воспоминания были чересчур реальными. Леди Катриона ничем не напоминала его возлюбленную, поэтому их сходство не могло вызвать внезапное и сильное влечение к ней. Бренда была красавицей с золотистыми волосами и небесно-голубыми глазами, с телом мягким и таким манящим, что не один мужчина мечтал заключить ее в свои объятия. А еще она была милая, грациозная, нежная и любящая. К несчастью, у семьи были на нее свои виды, уж точно не брак с рыцарем без денег и земли. А потому не стоило удивляться, что все закончилось так трагически.

Прогнав прочь печальные воспоминания, Бретт умылся и переоделся в чистое. Лучше бы Катрионе быть кровной родственницей Ариадны, тогда он все время помнил бы об их фамильных узах и смотрел бы на нее, как на еще одного члена большой семьи. Конечно, попытаться можно, но Бретт сомневался, что у него получится. Он никогда не врал себе, как бы сильно иногда этого ни желал.

Только он хотел присоединиться к Аркуру, снова смотревшему в окно, как в комнату вошли Каллум, Оуэн и Там.

– Готовы разузнать что-нибудь о том, куда мы попали? – спросил их Бретт.

– О да, – отозвался Каллум, усевшись на край кровати. – Что-то тут у них неладно.

– Аркур говорит то же самое.

– Мне так тяжело это признавать, что просто слезы душат, но он прав. – Каллум ухмыльнулся, а Аркур расхохотался в голос. – Первая странность – это множество детишек; одни просто бегают по двору, другие по-настоящему работают, причем без присмотра взрослых. И еще тут очень многие женщины так и мечут призывные взгляды.

– Почему тебе это кажется странным? – спросил Аркур. – На тебя часто так смотрят.

Каллум пожал плечами.

– Похоже, это из-за того, что тут слишком мало взрослых мужчин. Есть пожилые, не особо здоровые, и куча юнцов. Некоторых, конечно, уже можно считать мужчинами, но они все равно слишком молоды, чтобы девушки на них заглядывались. Вот они и облизываются на нас, как голодный на кусок мяса.

– Я тоже удивился, что нас встретили не вооруженные опытные воины, – заметил Там, скрестив на груди руки. – Может, наш отряд и невелик и особой угрозы не представляет, но все равно нас должны были встретить равные по силе мужчины и поинтересоваться, что у нас за дело к их леди. Не думаю, что встреча у ворот прошла так только потому, что они заметили Ариадну. При таких прочных стенах ворота не оставляют без защиты.

– Очень верно, – согласился Бретт. – Нужно тут хорошенько осмотреться. Не хочется мне оставлять Ариадну в этом месте с такой слабой охраной. Аркур уже решил сам все посмотреть и выяснить, но думаю, мы все должны этим заняться. Так мы узнаем правду гораздо быстрее.

– Согласен, – воскликнул Каллум, а остальные кивнули.

– Тогда пойдемте в большой зал, посмотрим, чем нас тут кормить станут. Можно начинать разведку прямо там. Мы должны зайти за Ариадной?

– Нет, – ответил Оуэн. – Я спрашивал, и она сказала, что ее отведет в зал горничная.

Бретт кивнул и первым вышел из спальни. Банулт казался превосходно укрепленным владением, и люди тут дружелюбные, но его не покидало беспокойство. Инстинкт подсказывал, что здесь кроется немало тайн, и он был полон решимости раскрыть все до единой.

– Такие прекрасные мужчины, миледи, – сказала Несса, одна из немногих пожилых женщин, переживших эпидемию лихорадки. – Все наши девушки по ним вздыхают.

– Ничуть не удивляюсь, – пробормотала Катриона, занятая проверкой еды для гостей, все должно быть, как полагается, и мысленно напомнила себе, что нужно сурово поговорить с женщинами. Хватит в Банулте плодить безотцовщину. – У нас слишком давно не было настоящих воинов, да еще рыцарей. Сильных, хорошо вооруженных и, я полагаю, опытных рыцарей.

– Как вы думаете, они могли бы помочь нам разобраться с этим ублюдком Грантом?

– Возможно, но следует ли просить их об этом? Я вот подумывала, как бы сделать так, чтобы они потренировали наших людей, но сомневаюсь, стоит ли. Считаю, что… м-м-м… невежливо вынуждать своих гостей делать что-то для тебя.

– Ну, может, и так, но с этим человеком необходимо что-то делать. Он медленно убивает нас, вот чем он занимается. А как еще скажешь, если он старается лишить нас возможности прокормиться? Мы и живы-то до сих пор только потому, что его люди выполняют приказы хозяина не особо охотно.

– Как ни печально, но это правда. И мы не можем надеяться, что так будет длиться еще долго. Сэр Джон Грант вот-вот может что-то заподозрить, ведь все его старания пока

не нанесли нам большого вреда. Как только он поймет, что именно его люди виноваты в отсутствии успеха, он заставит их действовать, как нужно. Говорят, нрав у него свирепый.

– Да уж. И к нам снова придет смерть, только на этот раз в землю лягут наши союзники. – Несса вздохнула и покачала головой. Карие глаза затуманились печалью: лихорадка унесла ее мужа и дочь.

– Ну нет, такого я не допущу. Если Грант станет угрожать нашим жизням, я просто склонюсь перед его требованиями. Я не подчинюсь ему сейчас только потому, что считаю – у него нет права принуждать меня. И еще не верю, что жизнь под его башмаком вам понравится.

– Ох, не понравится, и мы не станем ждать от вас такой жертвы.

– Этого и не нужно. Я не буду непреклонной, если прольется кровь, ведь нет ничего более ценного, чем жизнь людей Банулта. Мы и так потеряли уже слишком многих, и отнял их враг, с которым сражаться невозможно. Но хватит об этом, ведь гости наверняка скоро спустятся. Так что больше никаких разговоров о сэре Джоне Гранте. Пока я хочу славно провести время с гостями и послушать новости, которые привезла кузина. Они меня развлекут, если я хорошо помню Ариадну. Она всегда была интересной рассказчицей.

– Да, вы этого заслуживаете. Слишком много вы ради нас трудитесь.

– А также ради себя и Элисон, Несса. Но сегодня вечером я не хочу думать о том, что еще нужно сделать, и уж точно не хочу думать о сэре Джоне.

– Вот и правильно, девочка. Хотелось бы только, чтобы и от ублюдка было так же легко избавиться, – пробормотала Несса, направляясь в сторону кухни.

«И я тоже», – подумала Катриона, вздохнув. Однако от мыслей о сэре Джоне не так-то легко избавиться. Он темной тучей навис над нею с той минуты, как она похоронила мужа, одним из первых умершего от лихорадки, что унесла так много людей Банулта. Сэр Джон не желал принимать ее отказа. Почему он решил, что ей требуется новый муж, Катриона не знала, но ему хватило наглости попросить ее руки, когда Бойда еще земле не предали. Что-то необходимо предпринять. Что-то большее, чем просто исправлять нанесенный им ущерб. Но сегодня вечером, решила Катриона, о сэре Джоне нужно забыть. Она хочет порадоваться новым лицам и услышать все новости о том, что происходит за стенами Банулта.

Когда внутренний голос тихонько шепнул, что еще ей доставит удовольствие полюбоваться лицом сэра Бретта Марри, Катриона выругалась. Такой опасности она не ожидала. И самое главное не в том, что он истинное наслаждение для глаз, хотя это и правда. Но она видела красивых мужчин и прежде. Они жили и в Банулте, пока лихорадка не убила некоторых из них, а остальные отправились во Францию в поисках средств, чтобы вновь сделать Банулт удобным, приятным местом, каким он был когда-то. Однако ни один из тех мужчин не заставил ее сердце трепетать.

А тут стоило лишь посмотреть в темно-зеленые глаза, и ты сразу же размякла и поглупела, сердито подумала Катриона. Может быть, все дело в том, что она почувствовала возможность истинной страсти, какой Катриона так и не испытала в замужестве, но о которой часто говорили другие женщины. Она мечтала обрести ее с Бойдом, но оказалось, что как мужчина он довольно холоден. В постели все происходило быстро, и занимался он этим только ради зачатия ребенка. Бойд проявил достаточно доброты, когда после двух лет этих трудов она произвела на свет дочь, а не сына, которого он так жаждал, и снова вернулся к попыткам зачать наследника. Катриона все еще чувствовала себя виноватой за то, что слишком часто страшилась своей супружеской постели.

Она улыбнулась при мысли об Элисон, ее чересчур кудрявых рыжих волосах и больших голубых глазах. Пусть все остальное в замужестве обернулось печалью и разочарованием, но только не Элисон. Из-за этого ребенка она не горевала о молодости, проведенной в браке, который не принес ей счастья. Катриона даже терпела попытки Бойда зачать наслед-

ника снова после рождения Элисон – по той простой причине, что тоже хотела еще одного ребенка.

И Элисон была одной из причин, по которой она не хотела иметь ничего общего с сэром Джоном Грантом. Он видел ее дитя лишь несколько раз, и его безразличие к малышке положило конец любым ее мыслям о нем. Теперь она смотрела на него, как на досадную помеху. Катриона чувствовала, что сэр Джон не будет рад ее ребенку, даже если она окажется совершенной дурой и решит, будто брак с ним разрешит все проблемы. От этой мысли ее пробирал холод до самых костей. Элисон не просто не получит от этого мужчины любви и мудрого руководства, нет. Катриону не оставляло чувство, что сэр Джон станет угрозой ее дочери, которая может предъявить свои права на Банулт. В конце концов, Бойд получил Банулт в приданое за первой женой в день их свадьбы, когда он взял себе фамилию Маки, на радость ее стареющему отцу. И он должен перейти к ребенку Бойда в случае его смерти; а вот если Элисон исчезнет, земли достанутся любому другому ребенку, которого может родить Катриона.

Сообразив, что все еще стоит у стола, хмурясь на дверь, Катриона выпрямилась и постаралась прогнать все эти мрачные мысли. Прошлое есть прошлое, и его уже не изменить. Думы о нем пробуждают печаль, а Катриона не хотела впадать в подобное настроение. У нее гости, как раз сейчас они спускаются, слышен топот мужских сапог на лестнице, и скоро она разделит с ними трапезу.

Катриона окинула взглядом стол, накрытый для гостей, и улыбнулась. Пусть Банулт переживает не лучшие времена и многое из того, что Бойд намеревался сделать, осталось незаконченным, она все еще может как следует угостить своих гостей. Катриона не хотела думать о большой бреши, которую этот пир оставил в кладовой. Прошли годы с тех пор, как в Банулт приезжали гости, она слишком давно не слышала новостей о том, что происходит за пределами ее земель, лишь изредка случайный торговец или перегонщик скота хоть что-то сообщали ей. Теперешние гости заполнят эту прореху в ее жизни, а если Ариадна со своими людьми намерена пожить у нее какое-то время, Катриона подумает об опустевшей кладовой, когда это произойдет. В крайнем случае мужчины могут поохотиться, чтобы прокормить и себя, и женщин с детьми.

Повернувшись к дверям, ведущим в большой зал, она приветливо улыбнулась вошедшим. С лестницы слышался голос Ариадны, обращавшейся к горничной. Значит, кузина тоже решила присоединиться к ним. Сегодня вечером Катриона выяснит, зачем Ариадна решила приехать сюда, а заодно насладится ужином. И больше ничего, решительно сказала она себе, отмахиваясь от всех забот, что никогда не давали ей расслабиться. Но прежде всего думала Катриона, пока гости рассаживались, нужно узнать, почему Ариадна, будучи беременной, вдруг решила навестить свою родственницу по мужу, давно не виденную да еще и живущую так далеко.

Глава 2

– Мой муж был женат!

Катриона моргнула и осторожно прожевала хлеб, глядя на кузину. Спрашивая ее, почему та вдруг приехала погостить, она не ожидала подобного ответа. Не ожидала и всплеска эмоций, которые скрывались за этим заявлением. Она, конечно, обрадовалась, что Ариадна действительно замужем, но тут же родился страх перед разгневанным мужем, колотящим изо всех сил в ворота.

Ариадна, которую она помнила по детским годам, была всегда милой, спокойной, послушной и умела вести себя, как прекрасно воспитанная леди, во всяком случае перед старшими. Читая Катрионе нотации о приличном поведении, мать частенько ставила ей в пример Ариадну как образец безупречной леди. Однако, когда взрослых поблизости не было, Ариадна любила повеселиться, проявляла живость характера и даже в этом случае выглядела куда большей леди, чем Катриона. Катриона и не надеялась стать когда-нибудь похожей на нее и до сих пор иногда удивлялась, почему такой чопорный, правильный и благочестивый Бойд выбрал ее в жены. Вот Ариадна всегда казалась идеальным выбором в качестве жены для джентльмена.

Впрочем, сейчас в ней не было и следа от той милой, уравновешенной, благовоспитанной леди. Ариадна хмурилась, глядя на еду в своей тарелке, даже когда насаживала ее на вилку и отправляла в рот. За то время, что они не виделись, Ариадна сумела обуздать свой живой характер, который когда-то так старалась скрыть за утонченными манерами.

– Ариадна, если он уже был женат, как же он мог жениться на тебе? – спросила Катриона. – Ты пытаешься сказать, что на самом деле не замужем за этим мужчиной? – Трудно поверить, что родня Ариадны со стороны Марри спокойно проглотила бы подобное оскорбление или позволила нанесшему его мужчине прожить долго.

– Ой нет, мы с Брайаном по-настоящему женаты! Но мой муж, эта лживая свинья, не потрудился сообщить, что был женат раньше, что я – его вторая жена.

– Но почему это имеет для тебя какое-то значение? Многие мужчины женятся не по одному разу. И мой был до меня женат. К сожалению, многие теряют своих жен во время родов да и по другим причинам. И женщины, бывает, выходят замуж несколько раз. Ты же и сама была замужем до него, разве нет?

– Да, но я, по крайней мере, рассказала ему об этом и вспоминаю мой первый брак! И это для него слишком хорошо, как на мой вкус, – пробормотала Ариадна.

За этими едва слышными словами крылся такой глубокий смысл, что Катриона с трудом подавила желание спросить кузину, что та имеет в виду, и снова сосредоточилась на главном.

– Так почему для тебя важно, что сэр Брайан был раньше женат?

– Потому что он не сказал мне об этом! Ни словечка! Я узнала о его первой жене от других людей!

Катриона собралась было побранить Ариадну, сказать, что ни к чему вести себя так глупо, но торопливо затолкала в рот кусочек хлеба до того, как успела произнести хоть слово. Первое что пришло в голову, это, конечно, сообщить кузине, что она дурочка, и велеть возвращаться домой к мужу. Но чем больше она об этом думала, тем сильнее удивлялась, почему этот мужчина скрывает свой первый брак. Просто невозможно придумать для этого серьезную причину.

– Но почему он скрывает это? – спросила она наконец.

– Сказал, что забыл о нем, – ответила Ариадна и кивнула, заметив, что Катриона не сумела скрыть потрясение.

– Забыл, что у него была жена?!

Катриона просто не могла этого постичь, но, несмотря на то что они с кузиной давно не виделись, она по-прежнему доверяла ей настолько, чтобы поверить на слово. Ариадна всегда говорила правду, и пусть она сильно изменилась, Катриона сомневалась, чтобы изменения коснулись и этой черты ее характера. Одного взгляда в сторону сопровождавших Ариадну мужчин хватило, чтобы заметить – они едва сдерживают смех. То, что они находят подобные вещи забавными, можно либо приписать странному, извращенному мужскому чувству юмора, либо они знают о муже Ариадны что-то такое, чего не знает она.

– Да, – кивнула Ариадна. – Когда отец Брайана сказал что-то о его жене, причем определенно не обо мне, я потребовала объяснить, о чем идет речь. Он и рассказал, что пять лет назад Брайан обвенчался с одной девушкой. Я не поверила, но Макфингал, отец моего мужа, настаивал на своем. А потом его жена, Маб, заверила меня, что это правда, что у Брайана уже была до меня жена. Вроде бы мой муж сбежал с этой девушкой и обвенчался с ней, но через месяц или два она умерла.

– Может, поэтому он и забыл? Такой короткий брак легко мог выпасть из памяти мужчины по прошествии нескольких лет. – Катриона услышала, как спутники Ариадны посмеиваются над ее жалким объяснением. Впрочем, она и сама понимала, что оно смехотворно. – Должно быть, хороших воспоминаний было так мало, что они не задержались у него в памяти.

Трудно было не вздрогнуть под раздраженным взглядом Ариадны, только подчеркнувшим насмешливое хмыканье ее воинов. Даже короткий, скучный, лишенный любви брак должен был запомниться мужчине, пусть всего лишь как хорошо усвоенный урок. Должна быть какая-то причина, какое-то объяснение, которое ускользнуло от Ариадны или она просто еще не рассказала о нем. А иначе получается, что кузина вышла замуж за человека крайне бессердечного или весьма странного.

– Вряд ли можно забыть, что ты сбежал с невестой своего брата, – проговорила Ариадна.

– Он похитил невесту брата?

– Ага, похитил. Сбежал с ней под покровом ночи.

– И брат ничего не сделал?

– Нет. По правде сказать, Грегор даже обрадовался, что брак с Мейвис – больше не его забота. Он влюбился в мою кузину Алану и хотел жениться на ней. Так что побег Брайана с Мейвис устроил всех, включая ее отца, который всего лишь искал для нее хорошего сильного мужчину, чтобы тот подарил ему внука. Макфингалы в некотором роде знамениты тем, что рожают множество сыновей. Как ни печально, бедная Мейвис умерла через месяц или два после венчания, а Брайан от этого короткого брака не получил ни земель, ни денег и вернулся обратно в Скаргалс.

Катриона нахмурилась, услышав, как мужчины разразились хохотом на замечание Ариадны о способности Макфингалов рожать сыновей, но решила, что сейчас не время спрашивать, что в этом смешного.

– И быстро забыл о ней?

– Вот. Теперь и ты начинаешь понимать, как все это странно. Он не просто любил эту девушку так сильно, что отнял ее у брата, но она к тому же умерла совсем молоденькой, когда их совместная жизнь только начиналась. Разве можно о таком забыть?

Катриона не знала, что ответить. Как мог он об этом забыть? Сердце его должно было почернеть от горя из-за утраты. Никто не забывает о подобном с такой легкостью, да и не должен забывать. Пусть даже это не был союз по горячей любви, каким наверняка считает его Ариадна, но утрата человека, с которым ты обменялся обетами, должна навсегда запечат-

леться в памяти. Оставалось только молиться, чтобы кузина не оказалась в ловушке супружества такого же холодного, как ее собственное.

– Может быть, он просто подумал, что это не имеет никакого значения, – произнесла Катриона наконец. – Все давно осталось в прошлом, не имеет никакого отношения к тебе, а их общая жизнь была такой короткой, что ему нечего тебе рассказать.

– Не уверена, что такое объяснение как-то исправит общую картину, – пробормотала Ариадна.

Катриона тоже так не думала, но не знала, что еще можно добавить. Трудно предлагать утешение и совет, если ты полностью согласна с тем, что кузине есть из-за чего расстраиваться. И все же она сомневалась, что Ариадна поступила мудро, просто сбежав. Видно же, что она не испытывает никаких трудностей, рассказывая им, почему так разозлилась на мужа. Так почему она не осталась и не высказала все это ему?

– Кузина, я согласна, что все это очень тяжело и требует объяснения и обсуждения, но почему ты не осталась дома и не поговорила с мужем открыто? – спросила она, наконец, решив, что лучше всего говорить с Ариадной напрямик. – Он единственный человек, который может ответить на все твои вопросы.

– Слишком разозлилась и обиделась. Брайан как раз был в отъезде, и я внезапно почувствовала, что тоже должна уехать. Не думаю, что мы с ним смогли бы побеседовать здраво. Боюсь, я так злилась, что могла бы наговорить ему гадостей, которых не забыть и не простить. Мне просто требовалось уехать куда-нибудь, подальше от всей его родни, и хорошенько все обдумать. Ты не против, если я немного у тебя поживу?

– Конечно, можешь жить сколько хочешь. Только должна предупредить, что здесь совсем не так мирно и спокойно, как кажется, так что вскоре ты вполне можешь передумать.

– Ну нет, сомневаюсь. В Скаргалсе тоже не часто бывает спокойно.

Прежде чем Катриона успела объяснить, что неладно в Банулте, она увидела, как в зал входят юная Пегги и нянька с Элисон. Катриона этому обрадовалась, потому что ей не очень хотелось выкладывать свои беды этим людям – во всяком случае не все. Она улыбнулась дочери, подбежавшей к ней. Элисон только что исполнилось пять, и она была такой хорошенькой, что Катриона частенько поражалась, как ей удалось произвести на свет такое сокровище. Со своими буйными темно-рыжими кудрями и большими голубыми глазами малышка была такой яркой, что рядом с ней Катриона особенно остро осознавала, насколько ее внешность тусклая, бесцветная. Она торопливо представила дочь гостям, с удовольствием отметив, что Элисон присела перед ними в реверансе и поздоровалась безупречно вежливо.

– Мама, я знала, что у тебя гости, но значит ли это, что ты не расскажешь мне сказку, когда я лягу спать? – тихонько спросила Элисон, прижавшись к боку матери и поглаживая ее длинную косу. – Я сплю лучше, когда ты что-нибудь рассказываешь.

Маленькая хитрюшка, ласково подумала Катриона.

– О, конечно, я очень скоро поднимусь к тебе и уложу в кроватку, – ответила она и посмотрела на Пегги. – Отказывалась ложиться, пока не увидит, кто приехал, да? – спросила она и улыбнулась, потому что Пегги засмеялась и кивнула.

– Я ей сказала, что мы можем спуститься всего на минутку, потому что вы заняты гостями.

– А я сказала, что должна посмотреть, кто приехал в мой дом, – воскликнула Элисон. – У нас еще никогда не было гостей, и я хотела глянуть хоть одним глазком.

– Ну ты уже глянула, детка, поэтому возвращайся в свою комнату, а я скоро приду. – Катриона поцеловала ее в щечку.

Элисон кивнула, пожелала всем спокойной ночи и позволила Пегги увести себя из большого зала. Катриона все еще улыбалась, вспоминая, как ее дочь сумела представить себя гостям, когда обернулась к Ариадне и заметила, что та задумалась. Ариадна ждала ребенка,

и Катриона невольно заинтересовалась, о чем думает кузина, которой скоро будет даровано собственное дитя.

– Хочешь девочку? – негромко спросила Катриона.

– Я просто хочу красивого здорового ребенка, – ответила Ариадна. – Твоя дочь – красивая малышка, кузина. И очень яркая. Должно быть, отец холил и лелеял ее.

Катриона поморщилась.

– Хотела бы я сказать, что это так, но боюсь, что он ее едва замечал. Когда у нее отросли эти прелестные рыжие кудряшки и стало понятно, что в будущем она станет настоящей красавицей, он слегка заинтересовался дочерью, но тут на нас обрушилась лихорадка и унесла его. Видишь ли, Бойд хотел сына. Он был признателен за то, что у него родился ребенок, чтобы род его не прервался, но на самом деле хотел сына, который займет место лэрда, когда самого Бойда не станет.

– Ах, глупец. Она красивая и умная малышка, и он потерял так много, не любуясь ею и не наслаждаясь дочерью, пока мог.

– Я это знаю, но и она тоже, что еще печальнее. – Сполоснув пальцы в миске для ополаскивания, Катриона вытерла их салфеткой и встала. – Ешьте и пейте. Я покину вас ненадолго, потому что обязательно должна рассказать Элисон сказку, иначе она скоро снова явится сюда и начнет всем докучать.

– Ну так иди уложи девочку, – сказала Ариадна. – А мы посидим тут и когда вернешься, расскажем тебе все новости.

Этого Катриона ждала особенно сильно, так что она поспешила к дочери. Ей не терпелось услышать все, что Ариадна и остальные смогут рассказать. После замужества у них редко бывали гости, а когда все-таки приезжали, ей приходилось вести себя тише воды ниже травы. А с тех пор как лихорадка опустошила Банулт, сюда не приезжал никто, поэтому Катриона не чувствовала себя виноватой, рассказывая сказку очень быстро.

– Ну и почему вы все хмуритесь и выглядите такими серьезными? – спросила Ариадна своих людей, как только Катриона скрылась из виду.

– Здесь как-то очень неладно, Ариадна, – сказал Бретт. – Мы все это видим.

– Да, я тоже заметила. И видела деревню, в которой всего полтора года назад бóльшую часть жителей унесла свирепая лихорадка.

– Откуда ты знаешь?

– Горничная Мэри очень любит поболтать, и она такая милая. Похоже, она не очень-то умна, потому что готова рассказать все, что ты хочешь знать. Говорит, что почти половина всех здешних жителей, включая самого лэрда, умерли от лихорадки. Еще она говорит, что почти весь уцелевший гарнизон отправился во Францию, чтобы сражаться там за французов и привезти домой туго набитые кошели. Хотят помочь Банулту вернуть былую славу. И еще, кажется, у них возникли небольшие неприятности с лэрдом, живущим к западу, но Мэри сильно насторожилась, когда речь зашла о нем, и я подумала, что неприятности-то, наверное, серьезные, и все еще не закончились. Кстати, очень забавно было наблюдать за Мэри, пытающейся вести себя с осторожностью. Но, вероятно, именно из-за этого лэрда Катриона и предупредила, что здесь совсем не так мирно, как кажется. Я не стала давить на Мэри, но думаю, что со временем придется.

Бретт засмеялся и покрутил головой.

– Отлично сработано. И все-таки я думаю, что нам лучше все же выяснить, о каких неприятностях юная Мэри не желает говорить.

– Я тоже, – согласилась Ариадна и нахмурилась. – Когда я спросила, она сильно смутилась и начала бормотать что-то про выжженные поля и украденный скот.

– Может, лучше подыскать другое место, где ты сможешь дуться в свое удовльствие? – предложил Аркур, наполняя элем свою кружку.

– Дуться? – Ариадна гневно сверкнула на кузена глазами. – Я не дуюсь. Это праведный гнев.

– Ну, тогда это не самое подходящее место, чтобы пестовать твой праведный гнев, пока за тобой не явится муж.

Ариадна так посмотрела на Аркура, сжимая нож, что Бретт поспешил отвлечь ее внимание.

– Значит, ты считаешь, здесь кроется какая-то угроза?

– Не думаю, что угроза велика, – ответила Ариадна, бросив последний яростный взгляд на Аркура. – Мне не кажется, что люди тут всего боятся и готовятся к сражению, а тебе?

– Нет, – подумав, согласился Бретт. – Нет, у меня нет впечатления, что Банулт в осаде. Конечно, не могу сказать, насколько здешние люди плохо подготовились к обороне. Но одно вижу точно – здесь что-то не так, и я намерен выяснить, что именно. Если даже девушка, которая, по твоему мнению, недалекого ума и чересчур доверчива, начинает вдруг осторожничать, правду выяснить будет не так легко, как я думал. Да и предостережение леди Маки прозвучало весьма расплывчато.

– Если ты думаешь, что мне находиться тут небезопасно, есть одна вещь, которую ты можешь сделать.

– Что именно? – уточнил Бретт, не доверяя ее сладкой улыбке.

– Попытайся хоть немного обучить этих несчастных парнишек. Ясно же, что воины, уехавшие во Францию, не потрудились поднатаскать тех, кто занял их место.

– А ведь верно, – пробормотал Каллум. – Давненько мне не доводилось видеть таких неумех, по крайней мере среди тех, кто охраняет ворота.

Все замолчали, потому что Несса и две молоденькие девушки подошли, чтобы убрать со стола объедки и подать гостям фрукты и пироги. И опять же, в отличие от более старшей Нессы, эти девочки держались неуклюже и неуверенно. Бретт решил, что лихорадка, о которой говорила Ариадна, собрала свою дань и среди тех, кто служил в доме.

– Ты уверена, что лихорадки тут больше нет? – спросил он, едва гости снова остались одни.

– Да, – ответила Ариадна, разрезая яблоко. – Я сказала, что беспокоюсь за ребенка, и Мэри хоть и разволновалась, но заверила меня, что со времени последнего случая смерти от лихорадки ни у кого больше не было ни малейших признаков болезни. Судя по ее словам, она забирала людей быстро и жестоко. Пришла в деревню и замок, скосила кучу народа и через две недели ушла, оставив только больных и умирающих. Мэри говорит, лихорадка обрушилась еще и на Гормферах, землю к западу отсюда. Бедное дитя потеряло двух сестер и мать. Но все это случилось около двух лет назад.

– Я слышал о подобном, но такая свирепая, быстрая и смертельная болезнь обычно случается в городах или в армии. Странно слышать о ней тут, где не так уж много народу собралось в одном месте.

– Мэри говорит, что Несса думает, будто ее принесли с собой перегонщики скота. Когда они ушли отсюда, в нескольких милях дальше на их пути еще несколько человек нашли свои могилы. Еще она припоминает, что один из них выглядел не очень здоровым, но перегонщики пришли и ушли так быстро, что никто про них и не вспоминал, пока в Банулте не началась болезнь.

– Должно быть, они останавливались в обоих замках.

– Или их заразил кто-нибудь из Банулта. Мэри говорит, эти два клана до недавнего времени были очень близки между собой.

– Ага, тут есть о чем подумать. Возможно, люди из Гормфераха просто винят в своей болезни жителей Банулта, а на самом деле за этим кроется что-то еще.

– Очень может быть, потому что я думаю, если бы все сводилось только к обвинению в заражении, Мэри сказала бы об этом прямо. В конце концов, запросто могло быть так, что кто-то из Гормфераха заразил перегонщиков скота или одного из тутошних жителей. – Ариадна взглянула на двери в большой зал и заулыбалась, увидев входящую Катриону. – А, кузина. Как раз вовремя к сладкому.

– Простите, что оставила вас одних, но Элисон не привыкла к гостям, и понадобится время, чтобы она поняла, что теперь не сможет получать все сразу, кое-чего придется дожидаться, – проговорила Катриона, усаживаясь рядом с Ариадной. – Я объяснила ей все это, но не уверена, что Элисон поняла, она еще недостаточно большая. А может быть, просто не захотела понять.

– Ну, мы не против, если ты будешь время от времени, покинув нас, заниматься своим ребенком. Не думай, что должна всецело быть в нашем распоряжении. Я навязала тебе свое общество, – она кивнула в сторону мужчин, – и их тоже, причем без приглашения. Прошу за это прощения.

– Нет нужды. Боюсь, после смерти мужа мне даже в голову не приходило пригласить кого-нибудь в гости, и, по правде говоря, он сам мало кого приглашал. Предпочитал ездить сам. – А еще он предпочитал, чтобы Катриона как можно меньше общалась со своей родней, но Ариадне об этом знать необязательно.

– Ну, позволь рассказать тебе новости; похоже, что сюда они доходят редко.

Катриона налила себе сидра и стала с жадностью слушать рассказы Ариадны про Францию и Скаргалс. Ее истории о Макфингалах, к которым мужчины то и дело добавляли что-то свое, одновременно веселили и поражали Катриону. Ариадна вышла замуж в большое и странное семейство, но в ее голосе слышались любовь и привязанность к ним.

Отчасти Катриона завидовала тому, что кузина успела повидать за свою жизнь, но еще сильнее она завидовала тому, что та сумела стать частью большой, любящей семьи. Катриона поймала себя на том, что завидует, но в этом вполне понятном чувстве не было ни капли злобы. Ей такого счастья в жизни не выпало, хотя всегда о нем мечтала, поэтому она все же радовалась за Ариадну. Несмотря на то что кузина сердилась на мужа, в каждом ее слове ясно слышалась любовь.

Когда Ариадна призналась, что устала и хочет отдохнуть, Катриона извинилась и попрощалась. Ей хотелось остаться и поговорить с гостями-мужчинами, она истосковалась по беседе, не имеющей отношения к племенному скоту или полям и посевам, но пока в их присутствии чувствовала некоторую неловкость и не могла остаться с ними наедине. Хоть Катриона и привыкла иметь дело с мужчинами, те были простыми воинами, фермерами и селянами. Приехавшие же с Ариадной были рыцари, люди светские, и в некотором смысле немного их страшилась, ведь они обладали большими знаниями о мире за пределами Банулта.

Катриона, оказавшись в спальне, переоделась на ночь и разожгла огонь. Где-то в глубине ее души пробудилась тоска по Бойду, но только потому, что теперь весь груз ответственности за Банулт лежал на ее плечах, а Бойд брал на себя малую часть этой ноши. Но то, что это единственная причина ее тоски, казалось печальным. Так быть не должно, и все же Катриона понимала, что если бы от лихорадки умерла она, Бойд не стал бы по ней горевать. Он тут же нашел бы другую жену с хорошим приданым, которое помогло ему и дальше укреплять Банулт, чтобы сделать из него неприступную крепость, а ведь когда-то здесь только и было, что дозорная башня да пастбище.

Катриона вдруг задумалась: а каково это, любить мужчину так, как любит своего мужа кузина? Судя по тому, что говорили Ариадна и ее спутники, чувство было взаимным, и этот

мужчина скоро приедет за своей женой. Были намеки на то, что если сэр Брайан Макфингал позволил своей беглянке-жене потешить немного собственный гнев, клан заставит его отправиться на поиски. Никто не хотел, чтобы Брайан потерял ее. В этом Катриона завидовала кузине и надеялась, что та понимает, какая она счастливая.

Ее приводило в замешательство то, что Ариадна так близка со своими кузенами – когда они были моложе, Катриона всегда чувствовала, что родители Ариадны, хотя и любящие, старались как можно реже общаться с огромным кланом Марри, реже, чем родители самой Катрионы. Но при этом на Ариадну возлагались большие надежды; судя по тому, что говаривала ей бабушка, подобных надежд не возлагали ни на какую другую женщину Марри. Однако Ариадна никогда не жаловалась, и даже тогда Катриона понимала, что кузине куда больше повезло с семьей, чем ей.

Она вздохнула и уставилась в потолок. Она столько всего не имела, но при этом сознавала, что у многих и того нет. Нехорошо завидовать тому, что есть у других, в особенности если шансов на получение этого все равно нет. Этим можно лишь отравить душу и разум. Катриона понимала, что никогда не получит того, что есть у Ариадны, и примирилась с этой печальной истиной. Собственная семья отправила ее к пожилому мужу и даже ни разу не поинтересовалась, хочет ли она туда ехать или предпочтет остаться дома. Ее брак посчитали выгодным, как и те связи, которые помогут ее брату добиться должного влияния на людей, приближенных к королю. При этом она перестала быть обузой для семьи.

– У меня есть друзья, – прошептала Катриона. – Есть Элисон и Банулт. Мне есть за что быть благодарной. За еду, которая не дает нам голодать, за крышу над головой, за одежду, прикрывающую тело. За мягкую постель, где я могу свернуться калачиком, когда устану, за женщин, помогающих делать всю эту бесконечную работу. Я очень везучая женщина, и хватит уже тосковать по тому, чего нет и быть не может.

Катриона кивнула. Очень полезно напомнить себе обо всем, что у нее есть – о вещах, за обладание которыми другие женщины могли бы даже убить. Это всегда помогает. Жизнь несовершенна, и Катриона сильно сомневалась, что когда-нибудь перестанет желать хоть каких-нибудь изменений, но по большей части она была довольна своей жизнью. Во многих отношениях у нее теперь есть большая семья, о которой она всегда мечтала. У нее есть люди Банулта.

Тут героем ее мыслей вдруг стал мужчина с темно-зелеными глазами, и Катриона нахмурилась. Мне не нужен мужчина, сердито подумала она. Но это не прогнало прочь его образ, да и сердце забилось чаще, стоило вспомнить о сэре Бретте Марри. Он чересчур красив и знает об этом, но это не помешало ей любоваться им, как наверняка поступали и многие другие женщины. Не помогли и напоминание о том, что она сама далеко не красавица, да и подозрения, что он скорее всего слишком близко знаком со множеством красоток.

Тихо выругавшись, Катриона выбралась из кровати и пошла глотнуть сидра. Она уже стара, чтобы сходить с ума по мужчине только из-за его внешности. Да, он хорош собой, силен и обладает особой мужественной грацией, но впускать его в свои мысли и позволять нарушать ее покой – неприемлемо. Замужество научило ее, что наличие мужа не дает никаких особых преимуществ. Ее собственный муж точно не избавил от одиночества, не покидавшего ее в родительском доме, где она росла без любви.

Вернувшись в постель, Катриона закрыла глаза, твердо решив перестать размышлять о глупостях и поспать. Отдых ей необходим. Но тут в голову пришла неожиданная мысль, что сэр Бретт, наверное, сможет подарить женщине много детей, крепких и красивых. Катриона раздраженно заворчала. И конечно, женщине понравится делать с ним этих детей. Катриона перевернулась на спину и снова уставилась в потолок. Кажется, ее ожидает долгая ночь.

Но когда ей все-таки удалось расслабиться и задремать, зазвонил тревожный колокол, и в спальню ворвался Ангус, вопя:

– Пожар на синем поле!

Глава 3

Бретт рассматривал выгоревшее пятно в дальнем углу поля. Потребовалось не так уж много времени, чтобы затушить огонь, несмотря на то что пищи ему хватало. Что по-настоящему вызвало любопытство Бретта, так это то, зачем пожар устроили в месте, которое легко просматривается со стен Банулта, если намеревались уничтожить весь урожай? И не только это; до места пожара и добраться было легко – не пересекая поле, не вытаптывая урожай и не давя его телегой. Возможно, конечно, что огонь разожгли безмозглые болваны, но Бретт в этом сильно сомневался. Трудно поверить, что на свете существуют такие идиоты.

Он взглянул на Катриону, стоявшую рядом. Его беспокоило внезапное желание отвести растрепавшиеся пряди с ее лица. Борясь с ним, Бретт даже кулаки сжал. Что бы там ни думала его семья, он давно отвернулся от женщин. Если правда раскроется, возникнет слишком много вопросов, а ему совсем не хотелось объяснять, почему он позволил всем думать о себе, как о распутнике, хотя это далеко не так. Впрочем, оказавшись рядом с Катрионой, Бретт вынужден был напомнить себе те причины.

– Почему это поле называют синим? – спросил он, надеясь, что разговор о только что пережитой неприятности отвлечет его от мыслей о растущем влечении к ней.

– Когда у поля есть название, гораздо быстрее понимаешь, куда именно нужно бежать, – ответила Катриона.

– А вам приходится часто бегать, верно?

Катриона вздохнула. Она так устала! Первые неприятности начались всего через две недели после того, как все опытные воины, пережившие лихорадку, отправились во Францию в поисках удачи, чтобы стать наемниками за хорошую плату. В последующие два года в Банулте покой стал редким гостем. Люди тратили слишком много времени, восполняя ущерб, а на восстановление Банулта сил уже не оставалось. Катриона боялась, что они скорее отступили назад, чем шагнули вперед, и что их жизнь уже никогда не будет такой изобильной и сытной, как прежде, до лихорадки, погубившей столько людей.

– Слишком часто. Давайте я оставлю несколько человек для охраны поля и чтобы убедиться, что огонь полностью погашен, и мы сможем вернуться в большой зал. Там я и отвечу на ваши вопросы.

Бретт смотрел ей вслед, наслаждаясь покачиванием при ходьбе ее округлых бедер. Это простое платье наверняка скрывает изгибы, привлекающие мужское внимание. Но он тут же заставил себя вернуться к насущным проблемам. У него накопилось множество вопросов о происходящем в Банулте, и теперь он гадал, насколько полно Катриона на них ответит. Главная его забота, разумеется, Ариадна. Ему не нравилось, что кузина оказалась в этом весьма опасном месте.

– Ты был прав, – произнес подошедший Каллум.

– Конечно. Так обычно и бывает. – Бретт ухмыльнулся, увидев, как с отвращением поморщился Каллум. – В чем я прав на этот раз?

– В том, что в Банулте происходит что-то очень неладное.

– Мне кажется, мы все с этим согласились, и еще кажется, я уже говорил тебе, что первым об этом упомянул Аркур.

– Ни к чему давать ему лишний повод важничать.

– Разумеется. Хоть кто-нибудь заговаривал о том, что именно тут происходит? Потому что это, – Бретт махнул рукой в сторону выжженной земли, – пусть и сделано паршиво, вряд ли было вызвано простым озорством или случайностью.

– Некоторые начинали, но замолкали раньше, чем я успевал услышать что-нибудь полезное. Я уверен, у этой леди есть либо враг, либо оскорбленный отвергнутый кавалер. Все, что я успел уловить – это то, что она должна либо убить его, либо выйти за него замуж.

– Все это больше похоже на поведение врага, чем оскорбленного любовника. – А при мысли о том, что у Катрионы есть любовник, к величайшему смятению, у него в груди, казалось, вспыхнуло пламя.

– Странное сватовство, да, – согласился Каллум. – Разве только он пытается убедить ее, что она не сможет выжить сама и обеспечить зависящих от нее людей без помощи определенного мужчины, который будет всем управлять.

– Да, конечно. Но если его план таков, то получается у него паршиво.

– Ну ты бы не захотел, достигнув цели, получить в качестве приза одни только дымящиеся руины, верно? А еще возможно, люди, которых он посылает на дело, не очень-то хотят его выполнять, поэтому так и выходит.

На это Бретт смог только что-то согласно буркнуть. Его уже захватили вопросы, требовавшие ответа. Если тут и вправду Ариадне грозит опасность, ее нужно увозить как можно быстрее, и не имеет значения, что его внезапно охватило сильное желание помочь Катрионе, такой печальной и усталой. Ариадна не только его кровная родственница, ждущая ребенка, но и Макфингал теперь, а с этим кланом его семья враждовать не хочет. Говоря по правде, чтобы помочь людям Банулта, он бы рискнул рассердить Макфингалов, пусть даже с небольшим ущербом для Ариадны, потому что верил – здешние жители борются за свое выживание. Но вот не рожденным еще ребенком Ариадны он рисковать не готов ни под каким видом.

Над Банултом нависла серьезная беда, в этом он больше не сомневался, но никак не мог понять, какая именно. И тянется все это давным-давно, потому что люди превосходно подготовлены к борьбе. Бретт выскочил из замка с первыми ударами тревожного колокола и тут же увидел, что в телегу, груженную бочками с водой, уже впряглись несколько человек, все мужчины бегут к полю. Все делалось быстро, без колебаний и и без малейших признаков паники. Подобное явно происходило не впервые, и к этому все были подготовлены.

Тут мимо прошла Катриона, жестом показав, что можно возвращаться в дом, и Бретт со своими людьми молча повиновались. Судя по лицам спутников, всех их мучило то же беспокойство. То, что каких-то несколько часов назад было всего лишь праздными размышлениями, внезапно обернулось уверенностью. В Банулте что-то очень и очень неладно.

Катриона приказала принести мужчинам эля, сидра и вина и поспешно удалилась в свою спальню, чтобы смыть с себя копоть. Вот избавиться от запаха дыма, впитавшегося в одежду и волосы, у нее вряд ли получится. Она сомневалась, что пятеро мужчин, ждущих от нее объяснений случившегося, будут с радостью дожидаться, пока она примет ванну и переоденется. Они наверняка обеспокоены тем, что оказались со своей родственницей в самой гуще непонятных событий.

Кинув торопливый взгляд в зеркало, подаренное покойным мужем ей на свадьбу, Катриона спустилась в большой зал. Она понимала, что нежелание рассказывать сэру Бретту и остальным тяжелую правду о жизни в Банулте связано не столько с уязвленной гордостью (ей совсем не хотелось выглядеть в их глазах ничтожным и неумелым лэрдом), сколько с тем, что они могут увезти отсюда Ариадну. Что по-настоящему ранит ее гордость, так это то, что приходится признаваться, пусть только самой себе – ей позарез нужны эти пятеро опытных рыцарей, и если они уедут, потеря будет огромной.

– Это твоя забота, Катриона, – мягко побранила она себя, – а не их.

Войдя в большой зал, первое, что она увидела – горы еды и питья, принесенные служанками для гостей. Нужно будет поговорить с женщинами; если они продолжат кормить гостей так обильно, кладовая скоро опустеет. Катриона сомневалась, что остальным, вер-

нувшимся с поля, устроили такой же пир. Они не так давно ужинали, так что вряд ли кому-то требуется срочно заморить червячка.

Осматриваясь, пока шла к своему месту, Катриона заметила, что никто не удосужился пригласить Ариадну. Кузина осталась в своей спальне. Вряд ли причина в том, что приехавшие рыцари считают, будто беременной женщине требуется много отдыхать. Это, конечно, так, но причина наверняка в том, что они понимают – Ариадна немедленно предложит свою помощь, не думая о собственной безопасности. На какой-то краткий миг Катриона чуть не поддалась искушению послать за кузиной, но быстро прогнала эту мысль. Непорядочно влиять на мужчин подобным образом. У них есть долг перед родственницей и ребенком, которого она носит. Катриона даже не попытается так коварно помешать исполнению этого долга.

– И что вы хотите от меня услышать? – спросила Катриона, усаживаясь и наливая себе в кружку сидра. Интересно, сможет ли она успокоить их, не рассказывая всего?

– Тот пожар был вовсе не мальчишеской выходкой, не чьим-то озорством и даже не случайностью, верно? – спросил Бретт, пристально наблюдая за ее лицом в надежде, что сумеет заметить ложь.

– Нет. Это была очередная попытка не дать Банулту собрать богатый урожай и избежать голода зимой, – ответила она. Как ужасно, что приходится рассказывать этим мужчинам о скверном положении дел в Банулте и что сама она никак не может прекратить эти бесконечные притеснения.

– У вас есть враг.

– Думаю, не совсем так. Не было никаких открытых нападений и кровопролития. – «По крайней мере до сих пор», – подумала Катриона, делая глоток сидра. Судя по лицам мужчин, они думали то же самое.

– В них нет нужды, если можно заморить вас голодом, – произнес сэр Каллум.

– Это верно. – Он выглядит слишком свирепо, несмотря на свою красоту, решила Катриона.

– И кто творит с вами такое? – спросил сэр Бретт.

– Мой сосед с запада, сэр Джон Грант, лэрд Гормфераха.

– И делает он это уже довольно давно, да? У вас слишком хорошо все отлажено для того, чтобы это оказалось случайностью, и вы слишком быстро приготовились к тушению пожара.

– Мы начали учиться действовать быстро после третьего пожара в полях. Именно тогда я дала каждому полю название, это позволяет попасть на нужное, не теряя времени. У нас всегда стоят наготове две телеги с водой и ведрами: одна – в деревне, а вторая – здесь. Все жители деревни, кто только может, бегут на поле помогать, поэтому мы можем потушить любой пожар, пока он не успел нанести большого урона. Все равно это дорого нам обходится, но по крайней мере с голоду не умрем. – Она вздохнула. – Если бы не потеряли столько народа во время лихорадки, то могли бы столкнуться с настоящим голодом. Теперь едоков в Банулте гораздо меньше.

– И в Гормферахе тоже?

– Да. Там заболели почти одновременно с нами. Мы думаем, что заразу принесли перегонщики скота, но не уверены в этом до конца. И не знаем, кто заболел первым и кто кого заразил. Это уже не имеет значения. Лихорадка убила столь многих! У нас выжило больше женщин, а в Гормферахе – мужчин. На очень короткое время это нас вроде бы даже сблизило, но мир оказался слишком недолгим. Об этом позаботился сэр Джон.

– Потому что после смерти мужа лэрдом стали вы?

– И поэтому тоже. Сэр Джон считает, что это неправильно. Наш клан не такой независимый, как ваши в Хайленд, он просто часть куда большего владения. Он мой, но существует

своего рода соглашение с богатым и более могущественным лэрдом к северу от нас. Он наш сеньор, и сеньор сэра Джона тоже. Он разрешает мне править здесь, хотя кажется, не сильно этим доволен, а вот сэру Джону это здорово не нравится.

– Но почему лэрд, ваш сеньор, не предпринимает ничего против того, что творит сэр Джон? – спросил Каллум. – Вы ведь жаловались ему, да?

– О да, много раз. Я только недавно перестала. Сэр Джон куда ближе к нему, чем я, – отозвалась Катриона. – Я всего лишь вдова сэра Бойда Маки. Лэрд верит сэру Джону, когда тот утверждает, что все это неправда, и изображает оскорбленную невинность. И еще он верит, что я всего лишь глупая женщина и пытаюсь найти, на кого можно свалить собственную бестолковость. Поскольку доказательств преступлений сэра Джона у меня нет, только мое слово против его, я перестала жаловаться, потому что боюсь, как бы лэрд не решил, что эту землю нужно отдать кому-нибудь другому. Не знаю точно, может ли он это сделать, но проверять не хочу.

– А у вас есть документы, подтверждающие права на эти земли?

– Да. И это еще одна причина беспокойства сэра Джона. Давным-давно, еще во времена правления деда первой жены моего мужа, кто-то из родни его первой жены оказал большую услугу королю, и тот подарил Банулту кусок земли Грантов. В те времена король не очень жаловал Грантов. Они задолжали ему деньги, а кто-то из родни и вовсе предал корону. Так что землю забрали в счет уплаты долга и отдали Маки, как награду за их помощь. Сэр Джон хочет получить ее назад. Это хорошая земля. Плодородная, и воды здесь хватает. Наш сеньор не может ничего изменить, потому что это дар короля. Ну а сэр Джон злится еще сильнее.

– Могу я посмотреть документы?

– Конечно. Я покажу вам их в любой момент, когда пожелаете. Но зачем?

– Вдруг я сумею отыскать что-нибудь, от чего вы перестанете тревожиться о возможной потере земли и обретете уверенность, которая даст вам силы смелее жаловаться на сэра Джона.

Катриона улыбнулась Каллуму.

– Это будет большая помощь. Спасибо.

– У сэра Джона неумелые люди? – спросил вдруг Аркур.

Катриона нахмурилась.

– Нет. Почему вы так думаете?

– Потому что если они хотели уничтожить урожай, то огонь разожгли неправильно.

– Мы верим, что люди сэра Джона не совсем поддерживают его в попытках уничтожить меня. Жители Банулта и Гормфераха были союзниками много-много лет. Они связаны множеством уз благодаря бракам и прочему, что раньше было так привычно. У всех есть родня и добрые друзья и там и там. Кроме того, они считают, что землю подарили справедливо, по королевскому указу, поэтому у сэра Джона нет права возмущаться. Полагаю, люди знают всю эту историю куда лучше, чем он. И потом, в прошлом мы помогали им так же часто, как и они нам.

– Значит, вы все крепко соединены.

– Да, и во многих отношениях. Я просто не понимаю, почему сэр Джон вбил себе в голову, что должен получить эту землю. Ни одного из прежних лэрдов Гормфераха это не волновало. И никаких сложностей не возникало. Я начинаю думать, что сэр Джон пестовал это ощущение несправедливости много лет, а когда Бойд умер, решил, что наконец-то ему выпала возможность вернуть все назад.

– Значит, он посылает людей, чтобы жечь ваши поля? – Бретт нахмурился, чувствуя, что она рассказала не все, но решил, что пока ограничится этим, а надавит на нее позже.

– Жечь наши поля, воровать наш урожай и скот и все такое. Он хочет, чтобы я сдалась. Думаю, хочет, чтобы я вообще отсюда убралась.

А еще он хочет жениться на ней, но Катриона не собиралась в этом признаваться. Что-то подсказывало, что эти мужчины с таким же отвращением, как и она сама, отнесутся к навязчивой идее сэра Джона взять ее за себя замуж и таким образом завладеть Банултом, но уверенности у нее не было. Последнее, что ей сейчас требовалось, это их совет уступить желаниям сэра Джона, чтобы люди Банулта перестали страдать. Большинство мужчин дали бы ей именно такой совет, а этих гостей Катриона знала не слишком хорошо. Вдруг и они поведут себя, как большинство?

Чувство вины часто подталкивало ее к покорности, но пока ей удавалось довольно легко его избегать. Она знала сэра Джона и знала, что он станет плохим лэрдом для ее людей. Его не любили даже его собственные люди, но преданность клану и любовь к дому удерживали их под его пятой. Он был человеком тщеславным и жадным, и Катриона без тени сомнения знала, что сэр Джон – беда для Банулта. К несчастью, его попытки разорить их и уморить голодом были такой же бедой.

– Но он ни разу не нападал на вас и на ваших людей в открытую, так? – спросил Бретт.

– Нет. Он не пролил ни капли нашей крови. Он хочет, чтобы мы склонились перед ним, пришли к нему, потому что голодаем и сломлены, и тогда он великодушно и милосердно возьмет бразды правления в свои руки. – Катриона поморщилась, чувствуя, что говорит сердито, в голосе прорывается горечь, которую она ощущает.

– Пойдите отдохните немного, миледи. Вы рассказали нам достаточно.

– Значит, вы увезете Ариадну в какое-нибудь другое место? – Она старалась не показать своего разочарования, понимая, что в первую очередь гости должны думать о ее кузине.

– Нет. Мы останемся. Как вы сказали, кровь здесь не проливалась, не было и прямых нападений на людей, значит, для нашей кузины настоящей угрозы тут нет. Я думаю, вы нужны сэру Джону, чтобы передать ему вашу землю, раз нет другого способа сделать это, не навлекая беду на его собственную голову. Мы останемся и постараемся сделать все, что в наших силах, чтобы заставить его передумать.

Катриона заморгала, не в силах поверить в сказанное.

– Так вы нам поможете?

– Да, – твердо сказал Бретт, а его спутники согласно закивали. – Мы останемся здесь до тех пор, пока все не уладится. И первое, с чего мы начнем, это обучение ваших людей. Может быть, крепкий гарнизон поможет. В конце концов, сэр Джон не причинял вам неприятностей, пока ваши рыцари не уехали, верно?

– Нет, но они уехали почти сразу после смерти Бойда, когда лихорадка пошла на спад, поэтому не могу сказать точно, изменило ли что-нибудь их отсутствие.

– Им вообще не следовало покидать свой пост.

– Я понимаю, почему они это сделали. У нас здесь никогда не было никаких неприятностей, во всяком случае, очень-очень давно, поэтому никто не видел необходимости защищать наши владения. А во время и сразу после лихорадки мы потеряли так много, что искушение заработать денег и вернуться к жизни, которую мы все знали, стало неодолимым.

– Значит, они украли ваших коней, опустошили ваш арсенал и уехали.

– Это было не совсем воровством. Я не говорила, чтобы они ничего не брали, а они сделали то, что, по их мнению, могло помочь Банулту. Но мне бы очень хотелось знать, как у них дела, потому что уехали они… о, восемнадцать месяцев назад, и с тех пор от них нет ни слова.

– Может, мы сумеем придумать какой-нибудь способ, как о них узнать. Идите отдыхать, миледи. Мы прекрасно можем позаботиться о себе сами.

Катриона кивнула и отправилась в спальню. Тело ее ныло от усталости, и даже мысль, что пятеро крепких мужчин пообещали остаться и помочь ей в сражении с сэром Джоном,

не особенно помогала. Утро наступит слишком рано, а у нее столько дел! Несколько часов отдыха сейчас куда важнее, чем обсуждение планов.

– Она о чем-то умалчивает, – заметил Аркур, когда дверь за Катрионой закрылась.

– Знаю, но раньше или позже она все расскажет, либо сами выясним в чем дело, – ответил Бретт. – У меня есть кое-какие подозрения.

– Поделишься с нами?

– Каков самый простой способ для мужчины наложить лапы на земли женщины?

– А конечно же! Думаешь, он хочет обвенчаться с ней и таким образом стать лэрдом всех здешних мест? Но почему она не рассказала об этом?

– Многие мужчины прямо посоветовали бы ей избавить людей от страданий из-за ее нежелания выйти замуж за соседа. Подозреваю, после смерти мужа это говорили ей слишком часто. Она знает нас недостаточно хорошо и не понимает, такие же мы или нет. Здесь в основном живут молодые юноши и женщины, и ее сопротивление их не беспокоит. Может быть, они даже отчасти согласны с ней, потому что не любят сэра Джона. Нам нужно побольше разузнать об этом человеке. Возможно, она пытается уберечь своих людей от плохого лэрда, а себя – от нежеланного замужества.

Оуэн кивнул.

– Мне кажется, он будет плохим лэрдом. Просто посмотрите, что он творит, пытаясь добиться своего, тем более что эта земля ему не принадлежит, что бы он себе ни думал. Но заставлять людей голодать, причем в основном женщин и детей, чтобы вынудить их госпожу обвенчаться с ним? Не могу представить, чтобы такое мог творить человек хороший.

– Я думаю, она слишком быстро простила свой гарнизон, – заговорил Аркур. – Они бросили ее, забрали лошадей и оружие, а ведь она могла всем этим воспользоваться.

Бретт кивнул.

– Я бы тоже не был таким великодушным, но, возможно, они поступили так именно по тем причинам, о каких она нам рассказала. После того как страшная болезнь опустошила эти места, дела тут пошли очень плохо. Когда столько больных, работать некому, а когда многие умерли, в клане стало не хватать людей, чтобы восстановить утраченное. Вот и возникла мысль заработать денег, продавая свои услуги, – это избавление от голода и забота о нуждах семей. Может, глупое и не очень хорошо продуманное, но не преступление. Вот не знаю только, так ли все произошло на самом деле.

– Что ты имеешь в виду?

– Я знаю, что многие не умеют писать, но всегда можно найти священника или монаха, чтобы во время путешествия черкнуть хоть пару слов родным. А эти мужчины уехали почти два года назад, и с тех пор ни одного слова. Ни одного трупа, отправленного домой для похорон, ни одного раненого, вернувшегося для лечения. Ни одного подарка, купленного на деньги, которые они якобы зарабатывают.

Аркур почесал подбородок и нахмурился.

– Это странно. Даже не сообщить, что добрались до места и нашли работу. Да, ты прав. Все это что-то очень, очень странно.

– А кому выгодно исчезновение хорошо обученного гарнизона?

– Дорогой сэр Джон, хотя он ни разу не нападал на крепость, так что вряд ли хотел их исчезновения. Как сказала леди Маки, он не может завоевать их силой, потому что этим навлечет кучу неприятностей на собственную голову. Землю должны отдать, продать, или он может получить ее через женитьбу

– Но без гарнизона куда проще играть в эти игры с выжиганием полей, воровством скота и попытками голодом заставить людей подчиниться. Кто здесь может защитить женщин и детей – старики и совершенно неопытная молодежь?

– Но если они не уехали во Францию, то где тогда? Ты же не думаешь, что сэр Джон их всех убил?

– Не знаю. Может, это полная чепуха и я просто придумываю дикие истории. Но не могу избавиться от ощущения, что здесь все не так, как кажется.

– Еще одно дело, в котором следует разобраться, – заметил Каллум.

– Не знаю толком, как это сделать, но да, этим нужно обязательно заняться, – согласился Бретт и зевнул.

– Думаю, лучше всего нам тоже немного отдохнуть, – сказал, вставая, Аркур. – Помимо всего прочего, нужно обучать воинов, а судя по тому, что я видел, это потребует от нас всех сил.

Бретт рассмеялся, выходя вслед за братом из большого зала. За ними шли Оуэн, Каллум и Там. Бретт вскользь подумал, прав ли он, решив, что Ариадне ничего не угрожает в Банулте, но быстро отмел беспокойство. Сэр Джон не проливал кровь почти два года, вряд ли начнет делать это сейчас. Ему нужна победа, но он не хочет сердить лэрда-сеньора, своего союзника, пытаясь взять Банулт силой. Кроме того, он наверняка предпочтет, чтобы земледельцы оставались крепкими, здоровыми и смогли работать на него, когда он получит Банулт в свое полное распоряжение.

Требуются доказательства его преступлений. Вот чем нужно заняться, если они хотят помочь леди Катрионе и прекратить злобные происки сэра Джона. Имея доказательства, она сама или ее представитель, которого она выберет, могут отправиться к сеньору и потребовать справедливости. Конечно, проще всего убить болвана, но Бретт решил, что одолеть негодяя и увидеть, как он впадет в уныние, ничуть не хуже. Он твердо вознамерился показать сэру Джону, что иногда жадность может привести человека к утрате всего что имел.

Глава 4

– Чудесно соткано, Джоан.

Катриона погладила шерстяную ткань, которую протянула ей Джоан. Джоан была превосходной ткачихой, ее работа высоко ценилась на ярмарках в больших городах. В прошлом году с овец получили много шерсти, а в этом, если все пойдет хорошо, состригут еще больше. Скоро у них будет достаточно шерсти, чтобы не только обеспечить все нужды Банулта, но и порядочно продать на рынке. Шерсть – то немногое, что пока еще не пострадало от непрекращающихся попыток сэра Джона вогнать их в нищету. Может быть, ее даже хватит, чтобы покрыть нанесенный им ущерб, потому что на вырученные деньги они смогут купить провизию.

– Все идет прекрасно, миледи. Стригали работают, и, похоже, шерсть в этом году куда лучше, чем в прошлом. Отары хорошо охраняют и никаких неприятностей не происходит. Мы часто меняем пастбища, как вы велели, чтобы их было не так легко отыскать.

– Хорошо. Думаю, нужно попробовать делать так же с коровами. Уилл говорит, на прошлой неделе мы потеряли шесть голов. Бедный малыш Дональд так расстроился, что из него получился плохой пастух, он чуть не плакал, но я не могу его винить. Он еще совсем юный и нечаянно уснул.

Катриона, пытаясь справиться с гневом из-за этой потери, обвела взглядом деревню и между делом отметила, что некоторым домам требуется ремонт. Печально видеть, как опустела деревня. После отъезда большинства мужчин во Францию тут остались в основном женщины и дети. Многие стали жить вместе, решив, что так гораздо проще управляться с хозяйством и детьми. Идея, безусловно, удачная, потому что женщины почувствовали себя в большей безопасности, но зато множество коттеджей осталось пустовать, а умелых рук, чтобы поддерживать их в хорошем состоянии, не хватало. Катрионе было больно видеть, как когда-то процветающая деревня приходит в упадок, и она понимала, что чем дольше это будет длиться, тем сложнее будет привести все в прежнее состояние.

– Не хватает всего двух коров, миледи, – сообщила Джоан, прервав ее размышления. – Четыре вернулись домой.

Катриона, взглянув на Джоан, удивленно ахнула.

– Вернулись?

– Да, миледи. – Джоан разулыбалась, и ее простое круглое лицо внезапно сделалось красивым. Наверняка именно такая улыбка пленила сердце ее мужа, высокого привлекательного мужчины, сейчас бродившего по Франции вместе с многими другими мужчинами Банулта.

– А что в этом забавного?

– Ну, или те, кто их украл, безмозглые болваны, или они сами отпустили коров. Мне кажется, сами. Я за прошедшие годы достаточно хорошо узнала людей Гранта, и они вовсе не тупицы. А некоторые не так уж далеко ушли от своих предков-грабителей.

– А, и ты так думаешь, что людям сэра Гранта не нравятся его выходки? Потому что я начинаю в это верить, и сэр Бретт со своими людьми подозревает то же самое. Даже Несса в этом убеждена.

– Ага. Их с нами слишком многое связывает. Отец сэра Джона был хорошим человеком, хотя и не лучшим лэрдом, и никогда не пакостил соседям. Не знаю, что не так с его сыном. Печально, но сэр Джон совсем не походит на своего батюшку, и его люди частенько на это жалуются. Говорят, как лэрд, он слишком жесток и гневлив. Нам рассказывали об этом еще до того, как начались неприятности, а теперь мы вовсе не общаемся.

Что-то в голосе Джоан и в том, как она на мгновение отвела взгляд, подсказало Катрионе – женщина лжет. Очевидно, далеко не все связи порваны. Может, стоит надавить на нее хорошенько и, если люди сэра Джона и Банулта встречаются, потребовать немедленно это прекратить? Нет. Катриона мысленно покачала головой. Пока не пролилось ни капли крови, так что, наверное, еще не все потеряно, и в этом заслуга этих связей. До тех пор пока борьба с сэром Джоном не станет кровопролитной, она будет делать вид, что ничего не происходит. Похоже, отношения между людьми Банулта и Гормфераха ей только на пользу – например, произошло таинственное возвращение четырех коров из шести.

Как грустно, что два клана вынуждены отдалиться друг от друга, думала Катриона, снова окидывая взглядом деревню. Гранты пострадали от лихорадки так же сильно, как и ее люди. И там, и там появилось слишком много вдовцов и вдов. Но сэру Джону каким-то образом удалось сохранить достаточно еды и денег, чтобы его люди не отправились на заработки, как ее, а вот заменить умерших от эпидемии женщин он не может. По непонятным Катрионе причинам лихорадка в Гормферахе сильнее всего ударила по женщинам, в Банулте же больше всех пострадали мужчины. Вместо того чтобы отдаляться друг от друга, им бы следовало сблизиться еще теснее и восстанавливать оба клана, но способ, которым пытался добиться этого сэр Джон, ее решительно не устраивал. От одной мысли, что ее принудят к замужеству, Катриону охватывало отвращение.

– Как вы думаете, мужчины скоро вернутся из Франции? – спросила Джоан. – Прошло уже почти полтора года.

– Не знаю, Джоан, – вздохнула Катриона. – Сказать по правде, я вообще не понимаю, зачем они уехали. Голод нам не грозил. Может, они не могли вынести необходимости подчиняться женщине? – Она искренне пыталась понять, почему мужчины покинули родину, и временами думала, что причина именно в этом. Они не хотели лэрда-женщину.

– Ой нет, это им было безразлично. Мой Эйдан страшно взволновался после разговора с каким-то мужчиной за кружкой эля. Звали того Берк. Эйдан сказал, что этот Берк собирается во Францию и что там можно запросто заработать кучу денег. Этот Берк поведал о тех, кто там уже разбогател, сражаясь за лэрдов и короля, и сообщил, что французы рады шотландским мечам. Наговорил баек о том, как воевал с сасснеками и получал за это плату, и ни один из наших дураков не послушался своих жен, хотя мы и просили их остаться. Нет, они весело отправились в путь и пообещали, что вернутся с кошельками, набитыми так туго, что мы сможем купить себе и нарядные платья, и красивые туфли, и все прочее. Между прочим, никому из нас ничего этого не нужно. А теперь я немного тревожусь, ведь они как уехали, так от них до сих пор ни слуху ни духу.

Катриона не могла сказать почему, но в ее душу закралось подозрение. И как бы она ни убеждала себя, что это глупо, но не могла избавиться от мысли, что сэр Джон каким-то образом приложил руку к исчезновению всех боеспособных мужчин. Среди них были умелые охотники, плотники, кровельщики – в общем, они владели всеми теми умениями, которые отчаянно необходимы, чтобы выжить в деревне, и этот факт делал действия сэра Джона особенно успешными. Однако, размышляла Катриона, если мужчины Банулта на самом деле находятся не во Франции, то где же они? Этот вопрос она задавала себе всякий раз, как ей приходила мысль о предательстве, но всякий раз прогоняла подозрения прочь. Просто невозможно поверить, что люди сэра Джона молчали, когда он хладнокровно убивал тридцать крепких мужчин, и уж точно не помогали ему в этом черном деле.

Катриона в очередной раз попыталась убедить себя, что все это глупости, просто она ни разу прежде не слышала целиком историю об отъезде воинов клана во Францию, а теперь подозревает нечто, чего никогда не было. Ну как мог сэр Джон заманить куда-то столько мужчин сразу, причем так и не догадавшихся, что попали в ловушку? Они должны быть

во Франции. Предположение разумное, но на этот раз ей не удавалось так легко отмести подозрения.

– Ну разве он не наглый ублюдок, а? Явиться прямо к людям, которых мучает!

Бормотание Джоан вырвало Катриону из размышлений. Она глянула в ту сторону, куда смотрела Джоан, и едва не выругалась вслух. К ним ехал сэр Джон с шестью вооруженными всадниками и рассматривал деревню с таким видом, словно любовался результатами своего коварства. Он знал, у Катрионы нет надежных доказательств того, что все ее беды – его рук дело, а она, в свою очередь, знала, что без таких доказательств не может избавиться от его посягательств на ее земли. У него были куда более могущественные друзья, чем те, с которыми когда-то дружил Бойд, и к ней отнесутся весьма недоброжелательно, если она хоть как-то оскорбит сэра Джона.

Он приближался, и Катриона не могла не признать, что сэр Джон выглядит очень неплохо. Невысокий, но крепко сложенный, и с лицом, какое большинство женщин сочтут привлекательным. Волосы темно-каштановые, глаза необычного орехового оттенка. И одет очень элегантно, но единственное, о чем могла думать Катриона, глядя на незваного гостя, это во сколько ему обошелся этот наряд. Все в нем устроило бы многих женщин. Но ее сердце так ни разу и не встрепенулось.

Но главное, за что она его откровенно презирала, так это за характер. Он был человеком самоуверенным и таким заносчивым, что она до боли стискивала зубы, лишь бы не высказать все, что о нем думает. Кроме того, он каждым словом и жестом ясно давал понять, что считает женщин существами низшими по сравнению с собой. Каждый раз, когда его речи разжигали ее гнев, она напоминала себе, что без женщин он просто не сможет любоваться собой, как обычно это делает. И еще ее очень выручало умение пропускать его слова мимо ушей.

– Милорд! – воскликнула Катриона и присела в реверансе, не обращая внимания на то, что он оскорбил ее, ответив лишь едва заметным кивком. – Что привело вас в Банулт?

– Всего лишь проезжаю мимо, направляясь на обед с нашим лэрдом-сеньором, – ухмыльнулся он.

Таким образом он намекал, что сеньор, которому все лэрды в округе приносили клятву верности, ни разу не пригласил пообедать ее, Катриону. Она и сэр Джон были всего лишь небольшими септами в большом клане, незначительными землевладельцами, в случае большого сражения могли выделить совсем немного воинов и не обладали богатством, которое могло бы привлечь к ним алчные взгляды. Бойд лично ездил к сеньору и почтительно приносил ему клятву верности, иногда даже отправлял нескольких воинов Банулта для войска лэрда, но Катриону в основном просто игнорировали. Когда Бойд умер, сеньор всего лишь попросил ее подписать обещание и дальше хранить ему верность, в чем клялись все люди Банулта, но решил не простирать на нее свою любезность и не стал приглашать Катриону к себе, чтобы она принесла клятву верности лично.

В определенном смысле это было оскорбление, указывающее на то, что для лэрда она не представляла никакого интереса. Но в то время Катриона была слишком занята, потому что лихорадка уносила жителей Банулта одного за другим, она опасалась за жизнь дочери, к тому же много сил отнимали бесконечные похороны членов клана. Когда прощаешься навеки с теми, кого знал и любил всю свою жизнь, отсутствие подобающего приглашения от сеньора ничего для тебя не значит. Однако время от времени она об этом вспоминала, и это ее тяготило. Лэрд даже не удовлетворил ее просьбу о новом священнике!

Не то чтобы она тосковала по старому. Выживи он, и таскался бы за ней денно и нощно, втолковывая, что женщина должна иметь мужа, ее место при нем, и как хорошо тогда станет в Банулте. Он умер с проклятиями за то, что она звала его к каждому больному в охваченных лихорадкой деревне и замке и требовала, чтобы он дал умирающим то, в чем они нуждались, дабы ни один не ушел в мир иной без отпущения грехов. Катриона подозревала, что сама

прекрасно обойдется без священика, но людям он необходим, так что придется снова написать лэрду.

Тут она заметила, что сэр Джон сердито взирает на нее, и поняла, что он ждет ответа.

– Желаю вам хорошей дороги, милорд.

– Банулт выглядит довольно потрепанно, – пробормотал он, озираясь. – Требуются мужчины для ремонта всего сломанного.

– Мы неплохо справляемся, милорд, а когда наши мужчины вернутся из Франции, все пойдет еще лучше.

– Уехавшие во Францию не всегда возвращаются, миледи. Это красивая страна, и погода там куда лучше нашей. Все это может соблазнить мужчину и заставит там осесть. Опять же девушки хорошенькие. Не стоит слишком надеяться на то, что они вернутся домой.

– У многих тут остались жены и дети, милорд. Подозреваю, что они захотят вернуться к семьям, если даже не будет других причин.

Он улыбнулся так снисходительно, что у Катрионы руки зачесались, так захотелось пощечиной согнать эту улыбку с его лица. Она услышала, как за спиной негромко выругалась Джоан, и поняла, что та испытывает те же чувства. Сэр Джон считает ее наивной, раз она верит, что мужчина вернется домой просто потому, что тут остались жена и пара ребятишек. Может, кто-то и поведет себя непорядочно, но Катриона верила в своих соплеменников. А еще знала, что большинство искренне любят свои семьи.

– Небольшой коттеджик во французской деревне с хорошенькой женой-француженкой будет таким же соблазнительным, – заявил сэр Джон.

– Что ж, надеюсь, что такие мужчины останутся там. Мне не нужны люди, так легко нарушающие данные другой обеты. – Его развеселило это утверждение? Еще одна причина не выходить за него замуж.

– До чего вы наивны. Было бы неплохо, если бы я мог сообщить вашему сеньору, что вы готовы передать это место в мои руки, миледи.

– Благодарю покорно, но я уже держу его в своих руках.

– Разве? Похоже, что от ваших прикосновений оно постепенно погибает. Сильный мужчина рядом с вами мог бы все изменить.

Он такой же чувствительный, как камень, подумала Катриона. Она с трудом удерживалась, чтобы не выплеснуть на него поток обвинений, сказать, что знает, кто изо всех сил старается не дать ей заполнить кладовые Банулта и привести в порядок дома. Когда все это только начиналось, она пыталась говорить об этом, но ничего хорошего не получилось, напротив, сэр Джон изображал оскорбленную невинность, а сеньор отправил ей требование быть осторожнее в речах.

– Банулту нужно набраться сил после потери стольких жителей, – сказала она.

– Да, конечно, но если бы люди Банулта и Гормфераха объединились, восстановление прошло бы куда быстрее!

Бретт наблюдал со стороны, изучая сэра Джона Гранта. Крепкий здоровый мужчина примерно его возраста, приятной внешности, в превосходной одежде, вызывал в нем какое-то раздражение. Бретт увидел, как тот въехал в деревню, и осторожно двинулся ему навстречу. Его спутники, рассеявшись среди домов, делали то же самое, но никто из них не заметил тревоги среди местных жителей. Более того, Бретт заметил, что женщины Банулта обмениваются кокетливыми взглядами с эскортом сэра Джона, и слегка успокоился.

Но стоило приблизиться настолько, чтобы услышать разговор, как он снова насторожился. Именно этот человек изо всех сил старается ввергнуть Банулт в нищету и голод, и только таланты Катрионы не дают ему возможности преуспеть. Сэр Джон сидел на коне и смотрел на нее с таким снисходительно-высокомерным видом, что Бретт не понимал, как

она еще не велела ему уехать немедленно и больше никогда не появляться в ее владениях. Катриона проявляла куда больше выдержки, чем любая из его родственниц.

Сумев подобраться совсем близко и навострив уши, Бретт понял, что сэр Джон хочет получить не только землю, но и Катриону. В точности как он и предполагал, этот человек надеется с помощью женитьбы занять место лэрда Банулта. Бретт сомневался, что сэр Джон испытывает к Катрионе нечто большее, чем обычную похоть, потому что ни один мужчина, по-настоящему увлекшийся женщиной, не будет разговаривать с ней в таком тоне, и было совершенно ясно, что он ждет, когда она покорится его желанию стать лэрдом Банулта и обвенчается с ним. Какой болван – он даже не пытается хоть как-то поухаживать за Катрионой, не делает ничего, чтобы склонить ее к замужеству. Своими мерзкими выходками и откровенными оскорблениями только укрепляет ее решимость не сдаваться. «И, – подумал Бретт, оглянувшись на деревенских женщин, – подталкивает остальных женщин Банулта поддерживать отказ Катрионы».

Решив, что услышал достаточно, Бретт вышел на открытое место, подошел к Катрионе, слегка улыбнулся, заметив, как нахмурился сэр Джон, и как бы невзначай положил руку на эфес меча. Он бы с удовольствием сразился с ним прямо сейчас, но понимал, что пока не время, так что просто скрестил руки на груди, показывая, что не угрожает в открытую. Бретт мог бы поклясться, что увидел, как напряглись люди сэра Джона. Они с трудом сдерживали ярость каждый раз, как сэр Джон открывал рот.

– У леди уже есть помощники, – сказал Бретт.

– А вы кто такой? – негодующе воскликнул сэр Джон.

Катриона поспешно представила их друг другу, подумав, что оба сильно походят на кобелей, рвущихся в драку из-за кости. Переводя взгляд с одного на другого, она решила, что сэр Бретт, безусловно, выглядит более мужественно, и сэр Джон запросто проиграет ему в любой честной битве. Что-то в его злобных взглядах, которые он бросал на сэра Бретта, подсказывало, что и он это понимает.

– Они прибыли с моей кузиной леди Ариадной Макфингал, решившей погостить у меня, – объяснила Катриона, но это никак не ослабило напряжения между двумя мужчинами.

– И как долго вы намерены оставаться в Банулте? – требовательно спросил сэр Джон.

Прежде чем Катриона успела ответить, что его это вообще не касается, Бретт заявил:

– Столько, сколько потребуется, чтобы Банулт прочно встал на ноги и его больше никто не беспокоил.

«Все равно что открыто бросил ему вызов», – подумала Катриона, с трудом сдерживая желание хорошенько пнуть Бретта. Не таким образом ей хотелось дать понять сэру Джону, что теперь у Банулта есть надежная защита. Да, это вызов, но, с другой стороны, она подозревала, что в глубине души сэр Джон слишком большой трус и вряд ли примет его. Он просто удвоит свои усилия. Конечно, прекрасно, что теперь у нее есть несколько крепких, сильных воинов, но они не смогут уследить за всем, что происходит в Банулте, если сэр Джон как следует постарается причинить им вред.

Что еще хуже, он может решить, что сэр Бретт или кто-нибудь из его людей имеет на нее свои виды. Как он сможет принудить ее к нежеланному браку, если рядом с ней всегда будут мужчины, равные ему по положению, причем кто-то из них может пожелать сам стать лэрдом Банулта? Раз уж сэр Джон хочет жениться на ней ради кресла лэрда Банулта, он наверняка предполагает, что и прочие мужчины замышляют то же самое. Катрионе даже думать не хотелось, что может сделать сэр Джон в этом случае.

А еще Катриону раздражало, что сэр Джон сразу принял сэра Бретта как равного и как угрозу, но никогда не воспринимал таковой ее. Считал ее просто досадной помехой у себя на пути, той, которую легко оттолкнуть в сторону и заставить склониться перед его волей. Она продержалась дольше, чем он рассчитывал, и это ему не нравилось, но Катриона

сомневалась, что он когда-нибудь предполагал, будто она устоит – и вдруг увидела, как к ней приближается сэр Бретт. Это сильно оскорбило Катриону. Она не понимала, почему этот человек никак не хочет понять, что именно она и ее люди, теперь в основном женщины, не дадут ему заграбастать то, что сэр Джон так хочет заполучить.

– Банулт бедствует, потому что одинокой женщине слишком тяжело им управлять, – заявил сэр Джон.

– Подозреваю, леди Катриона управляла бы им гораздо лучше, если бы ее поля не горели, а скот не пропадал.

Женщины, слушавшие эту перепалку, захихикали, а Катриона заметила, что сэр Джон побагровел от злости.

– Сэр Бретт и его люди великодушно предложили помощь в обучении моих людей, – торопливо вмешалась она, надеясь хотя бы немного ослабить напряжение между двумя мужчинами. – Кто-то должен занять место воинов, уехавших во Францию, и с моей стороны было бы глупо отказаться от такого предложения благородных рыцарей. – Она внимательно смотрела на него, надеясь при упоминании исчезнувшего гарнизона увидеть хоть какую-нибудь реакцию, и с удивлением поняла, что не испытала никакого облегчения, ничего не заметив.

– Могли бы попросить несколько воинов у меня, они бы и обучили, – буркнул сэр Джон. – Я бы отправил к вам самых лучших.

«Ну да, и получил бы вооруженный отряд прямо в стенах моего замка», – подумала Катриона, но ничего не сказала, только улыбнулась. Самым слабым его местом было то, что он недооценивал ум и силу женщин. Катриона точно знала – он думает, что она слишком глупа и не догадается, что подобный поступок помог бы ему завладеть Банултом, но решила ничего не говорить, пусть считает, что так оно и есть. Имелась, конечно, вероятность, что он послал бы к ней тех, от кого ему не было никакого толку, потому что они могли бы соединиться с женщинами Банулта, тосковавшими без мужчин, но Катриона сильно сомневалась, что он вообще хоть как-то интересуется жизнью своих людей, и не собиралась его просвещать.

– Это весьма великодушно с вашей стороны, милорд, и спасибо вам за предложение. Но раз уж сэр Бретт мой свойственник…

– Очень, очень дальний, – перебил ее сэр Бретт и ухмыльнулся в ответ на сердитый взгляд.

– … я думаю, лучше пусть обучением занимается он, – продолжала Катриона. – Если ему и его людям придется покинуть нас раньше времени, до того, как мои люди как следует обучатся, я непременно подумаю над вашим предложением и дам вам знать.

Чего не произойдет никогда, подумала она. Но если сказать этому человеку, что она о нем на самом деле думает, он, вероятно, изобьет ее до полусмерти, а потом пристрелит. Катриона хорошо видела, что он грубая скотина. Из сплетен, слышанных ею от женщин, она знала, что он считает себя суровым лэрдом, совсем не таким, какими были его отец и дед. Он был тщеславным и капризным, выходил из себя по любому поводу. Но поскольку у сэра Джона хватало высокопоставленных друзей, Катриона давно сделала вывод, что таким он был с теми, кто ниже по положению. В том числе с женщинами, и это была еще одна причина, по которой она никогда не выйдет за него замуж.

– Как пожелаете, миледи, но я все равно думаю, что это ошибка, – сказал сэр Джон. – Всегда лучше держаться тех, кто к тебе ближе. До сих пор я ни разу не слышал, чтобы к вам приезжали гости, так что простите мое беспокойство по этому поводу.

– Моя кузина до недавнего времени проживала во Франции, милорд, но раньше была моей самой близкой подругой. Естественно, вернувшись в Шотландию, она захотела возобновить нашу дружбу. Я уверена, все будет хорошо.

– Вы знаете, как можно устроить, чтобы все было хорошо, миледи, но упорно отказываетесь признать необходимость нашего союза.

– Я все еще в трауре, милорд. Думать сейчас о чем-то еще, кроме как о почитании памяти моего покойного супруга, было бы и вовсе не допустимо.

Катриона поразилась, как легко эти слова слетели с ее языка. После смерти Бойда она о нем почти не вспоминала, думала о нем редко и мимолетно, иногда ей его не хватало, но как-то странно, без эмоций. Она его похоронила и спокойно стала жить дальше, как и прежде, только уже не пытаясь напрасно зачать сына. Судя по жесткому взгляду сэра Джона, он догадывался, как мало она горюет по мужу, но Катриона изо всех сил постаралась сохранить милое, невинное выражение.

Но чего она не понимала, так это того, почему он с такой легкостью наносит оскорбления сэру Бретту. Сэр Джон откровенно намекнул, что она ошибается, доверяя гостю, и многие мужчины сочли бы это ударом по чести и самолюбию. Однако коротко взглянув на сэра Бретта, она увидела, что тот спокойно наблюдает за сэром Джоном, совершенно, казалось, не задетый нарочитым пренебрежением.

– Пожалуйста, передайте нашему сеньору мои наилучшие пожелания, сэр Джон, – произнесла Катриона, надеясь, что после этих слов он уедет.

– О, я намерен побеседовать с ним о вас и о Банулте, можете не сомневаться. И уж постараюсь, чтобы он узнал обо всем, что здесь происходит, и о плачевном состоянии деревни тоже. – Он глянул на сэра Бретта, затем нахмурился, увидев еще четверых мужчин, бесшумно вышедших из тени и вставших позади него. – И обязательно расскажу ему о ваших гостях.

– Непременно, сэр Джон, – сказал Бретт. – И не забудьте упомянуть, что леди Катриона – родственница Марри из Донкойла.

– Только свойственница, и то весьма дальняя, – пробормотала Катриона и нисколько не удивилась, когда Бретт полностью проигнорировал ее слова, как и она раньше проигнорировала его напоминание об этом.

– …а также Макфингалов из Скаргалса и Макмилланов, – продолжал Бретт, словно она ничего не говорила. – Он наверняка слышал о некоторых из нас и сможет умерить ваше беспокойство. Многие мои родственники вхожи к королю, как, полагаю, и ваш сеньор тоже. Кроме того, у меня много родственников, к которым я могу обратиться с просьбой о помощи леди Катрионе, если таковая потребуется.

Катриона не знала, к чему все это может привести, но сэр Джон на какое-то время пришел в замешательство. Возможно, уверенность в речах сэра Бретта заставила его встревожиться – вдруг за этим стоит что-то, о чем он не знает, хотя и должен? Так что он просто коротко дернул головой, изобразив поклон, и отправился дальше, а за ним поспешала его свита.

Глава 5

Пыль, поднятая конем сэра Джона, еще не улеглась, когда Катриона повернулась к сэру Бретту и сердито сверкнула на него глазами.

– Неужели было так необходимо дразнить его? Даже угрожать?

– Я ему не угрожал, – ответил Бретт.

– О да, угрожали. Конечно, скорее это походило на щипок, чем на удар по голове, это правда, но угроза была, и все ее слышали.

– Прекрасно. – Он скрестил руки на груди. – Значит, мне не придется повторять.

Будь это возможно, Катриона схватила бы его за мускулистые плечи и трясла до тех пор, пока у него не застучали бы зубы, но пришлось удовлетвориться самым свирепым взглядом, на какой она только была способна.

– Вы его сильно разозлили, особенно когда заявили, что остаетесь для помощи Банулту и мне. Я не хотела, чтобы он об этом знал.

Бретт понимал, что лучше бы сэру Джону еще какое-то время оставаться в неведении, но все равно не жалел о сказанном. В любом случае неведение вряд ли продлится долго, кто-нибудь обязательно сообщит ему о появлении защитников у Катрионы. В обезлюдевшей деревне Бретта и его спутников заметят очень быстро. Бретт не удивился бы, узнай он, что сэр Джон специально приехал в Банулт посмотреть на гостей, о которых ему уже доложили. И раз уж нет никакой возможности скрыть их присутствие в Банулте, Бретт решил, что не произойдет ничего страшного, если сэр Джон узнает из первых рук, как именно он собирается помогать Катрионе и сколько людей может привлечь в случае необходимости.

Разгневанная Катриона выглядела весьма привлекательно, но он подумал, что будет большой ошибкой сообщить ей об этом. Женщины его семьи втолковали ему это исключительно хорошо еще в самом раннем возрасте. Но вот избавиться от мыслей о ней Бретт никак не мог. Ее серовато-голубые глаза потемнели, как грозовые тучи. Солнце играло в каштановых волосах, окрашивая рыжим и золотым, и они тепло светились. Уголки полных губ сердито опустились вниз, и ему хотелось поцелуями прогнать хмурое выражение с ее лица.

Избавившись от крамольных мыслей о вкусе ее соблазнительных губ, Бретт произнес:

– Он знал, что мы тут, я в этом совершенно уверен. Именно поэтому он и поехал через деревню, надеялся увидеть нас хотя бы краем глаза.

– Не много бы он о вас узнал, увидев только мельком.

Катриона заметила, как одна из его изящно изогнутых темных бровей взлетела вверх, а уголки губ приподнялись в подобии улыбки. Выражение лица несколько высокомерное, словно он мягко бранит ее за сказанную глупость. Это вызывало раздражение, такое сильное, что ладонь зачесалась от желания пощечиной стереть это выражение с красивого лица, но она понимала, что заслужила его. Сэру Джону действительно требовался всего один взгляд на сэра Бретта и его товарищей, чтобы точно понять, кто они такие: сильные воины, которых так давно недоставало Банулту.

Ей тоже потребовался всего один взгляд, чтобы это понять. Им даже не пришлось демонстрировать свое умение сражаться, чтобы она точно поняла, кто это такие, едва они въехали во двор ее замка. Все было видно по их манере держаться, двигаться, даже по их надменности, так раздражавшей ее в тот момент. И разумеется, это сразу стало очевидно, когда четверо спутников сэра Бретта внезапно возникли у него за спиной и так же незаметно исчезли, стоило сэру Бретту шевельнуть рукой. И все-таки Катрионе хотелось, чтобы сэр Бретт не сообщал сэру Джону о своем намерении остаться в Банулте и помочь ей.

– Он не знал наверняка, что вы тут останетесь, – пробурчала она. Катриона обратила внимание, что в какой-то момент разговора все женщины тихонько разошлись по домам. –

Лучше бы вы дали ему понять, что приехали всего лишь в гости и скоро уедете. Не стоило говорить, что у вас другие намерения, и уж точно не нужно было сообщать ему о толпе своих родственников.

– Почему вас так беспокоит, что теперь он знает о нашем намерении? – спросил Бретт, приспосабливаясь к ее шагу. – Все, что ему теперь известно, – это то, что мы хотим слегка поднатаскать ваших людей. Больше я ему ничего не сказал.

– Потому что он этого не хочет. Для него гораздо лучше, если мои люди останутся такими, какие есть, – хорошими свирепыми воинами, если возникнет такая нужда, но не имеющими ни опыта, ни навыков. Если у меня вскоре появится хорошо обученное небольшое войско, сэру Джону будет значительно труднее действовать против нас, как он делает это сейчас, – ослаблять до тех пор, пока у нас не останется другого выбора, кроме как подчиниться его желаниям, просто чтобы выжить. Как только мои люди станут хорошо обученными, он станет расценивать нас как прямую угрозу себе, и тогда прольется кровь.

– А вы не думали просто продать ему тот кусок земли, который он так жаждет заполучить?

– Только мимолетно. Я не хочу ее продавать, но даже если бы вдруг решила, что это единственный способ положить всему конец, не уверена, что смогла бы это сделать. Мне нужно тщательно изучить все документы Бойда. Может быть, сэр Каллум сумеет отыскать там что-нибудь полезное. – Катриона потерла лоб. У нее начинала болеть голова. – В любом случае так мы от него не избавимся. Эта земля – не все, чего он хочет.

– Он хочет вас. – Бретт сам удивился, до чего эта мысль его рассердила.

Катриона нахмурилась и повернулась к нему. Жесткий, холодный гнев, прозвучавший в этих словах, поразил ее, и выражение ярости на лице тоже. Она твердо сказала себе, что это всего лишь негодование благородного человека, возмущенного попытками сэра Джона принудить женщину склониться перед его волей. Еще это мог быть гнев, вызванный манерой, в которой сэр Джон это делал – причиняя вред людям. Многие мужчины сочли бы ее брак с сэром Джоном вполне разумным выходом из положения и удивлялись бы, почему она, женщина одинокая, ведет себя так глупо и думает, будто сможет управлять Банултом самостоятельно, без мужчины. И не просто рядом. «Но он будет указывать ей, что и как делать, и лезть во все мелочи», – сердито подумала Катриона.

Когда неприятности с сэром Джоном только начались, кое-кто в Банулте говорил, что новый лэрд мог бы все прекратить, что ей нужно подыскать себе мужа, который ее защитит. Однако никто даже не намекал, что она не сможет как следует заботиться о Банулте и его людях, что мужчина справится лучше. Никому это даже в голову не приходило. Более того, никто не считал, что этим мужчиной должен стать сэр Джон. Люди хорошо знали, кто на самом деле взял на себя все тяготы по управлению Банултом почти сразу после свадьбы. Лорда Бойда мало интересовали такие вещи, как поля, скот или необходимость каждый год продавать что-нибудь на ярмарке. Катриона нравилась людям Банулта как лэрд, пусть даже мало кто пока соглашался признавать это. И даже те немногие, кого смущало, что в кресле лэрда сидит женщина, предпочитали ее сэру Джону.

Но теперь стало очевидно, что сэр Бретт не имел ничего против того, что она занимает место лэрда. И чем больше Катриона об этом думала, тем лучше осознавала, что и его спутники придерживаются того же мнения. Она припомнила истории о женщинах Марри, что рассказывала ей бабушка. Именно то, что сестра мужа тетушки ее бабушки вышла замуж за одного из Марри и связала их семью тончайшими узами с тем кланом, и в любой рассказанной о них истории говорилось, что женщины Марри сильны и не склоняются перед властью мужчин, а держат себя наравне с ними. Этим, пожалуй, и объясняется то, что сэр Бретт со своими людьми не колеблясь признали ее право на Банулт в отличие от сэра Джона, который никогда этого не сделает.

– Сэр Джон считает, что мы должны пожениться, объединить наши земли и поставить его лэрдом над всеми, – ответила Катриона, не видя больше причин скрывать правду. – Подозреваю, он думает, что это самый простой способ вернуть себе землю, которую король подарил старому лэрду Банулта. А заодно заполучить исконные земли Банулта, ведь они куда более плодородны, чем те, что окружают Гормферах.

– И вас в свою постель. Подозреваю, что об этом он мечтает очень давно.

Катриона покачала головой и зашагала дальше, праздно рассматривая деревья, росшие по обочинам дороги, и отмечая, что тут тоже требуется приложить руки. Кусты разрослись слишком густо, некоторые деревья нужно вырубить и посадить новые. Дед первой жены Бойда оставил очень точные записи и советы, как нужно заботиться о лесах, и Катриона тщательно им следовала. Бойд считал ее усердие забавным и вел себя так, словно милостиво потакает ей, позволяя придерживаться наставлений уже давно умершего старика. Внезапно сэр Бретт схватил Катриону за руку и мягко, но решительно заставил остановиться, отвлекая от раздумий.

– Что-то не так? – спросила она.

– Помимо сэра Джона, кто-то еще пытается принудить вас к замужеству? – Бретту не нравилось, что такая возможность сильно его злила, потому что это означало, что Катриона взволновала его так, как очень давно уже не волновала ни одна женщина, и всего за каких-то жалких два дня. Но он никак не мог справиться с бушевавшей внутри яростью. – А вы этого даже не замечаете, верно?

– Конечно, замечаю, – огрызнулась она. – Вижу каждый раз, как мы тушим пожар или теряем очередную корову либо овцу. Я, знаете ли, не слепая.

– Еще какая слепая. Этот человек пытается украсть не только землю. Как я уже сказал, он хочет вас.

– Только потому, что это самый простой и надежный способ завладеть Банултом! Пока он мой, но как только какой-нибудь мужчина объявит меня своей, в глазах большинства он получит и права на Банулт. Сэр Джон считает это отличным способом получить все, чего так жаждет, не вызывая лишних вопросов и возмущения.

– Это вы о вашем сеньоре-лэрде?

– Ну да. Может, ему и не нравится, что здесь управляет женщина, но пока я верна своей клятве верности, посылаю ему людей и продовольствие, когда это требуется, он пальцем о палец не ударит, чтобы что-то изменить. Сэр Джон понял это очень быстро.

– Он просил у вашего сеньора разрешения обвенчаться с вами и завладеть Банултом?

– О да, но сдается мне, что сеньор не вправе решать мою судьбу, а может, он просто не захотел. Он заявил сэру Джону, что Бойд объявил своей наследницей меня, и он не возражает до тех пор, пока я соблюдаю договор между ним и Банултом. Меня это удивило, и не могу сказать, что полностью в это верю, но принимаю такое его объяснение до тех пор, пока не увижу своими глазами, что указано в бумагах Бойда, или же ваш кузен Каллум (он наверняка более опытный человек, чем я, и хорошо разбирается в заключении контрактов и в законности моих прав как лэрда Банулта) разберется в них сам.

– Вас вроде бы удивляет, что муж назвал вас своей наследницей?

– О, конечно. Он всегда считал, что я ничего не стою, потому что не родила ему сына, о котором он так мечтал. Правда, Элисон он оставил неплохое приданое… точнее, дал мне понять, что оно у нее должно быть. Понятно же, что Банулт – это одно из таких мест, где все идет так, как хочет хозяин. Мне нравится думать, что мой муж оставил его мне, потому что оценил наконец мой труд, но на самом деле это, конечно, не так. Он просто поступил так, как поступал всегда, а может быть, таким образом частично возместил мне деньги, которые я ему принесла в качестве приданого. Сына, чтобы назвать наследником его, у Бойда не

было, а оставить все маленькой девочке ему бы даже в голову не пришло. Поэтому все мне и досталось.

– А вам никогда не приходило в голову, что сэр Джон, возможно, оценил ваши труды и теперь хочет получить не только вашу землю, но и ваши таланты? Ведь сам он управляющий паршивый, так?

– Да нет, лишь чуть хуже меня. – Катриона нахмурилась. – Просто представить не могу, что сэр Джон вдруг оценил мои труды. Он такого же низкого мнения о женщинах, как в некотором роде и мой покойный муж, да и наш священник. Если бы он думал, что все хорошее в Банулте результат моего труда, ему бы пришлось признать, что я способна на большее, чем просто вести хозяйство и рожать детей. А он и мысли такой не допускал, о какой бы женщине ни шла речь.

В каком-то смысле она была права, но Бретт решил не отказываться сразу от мысли, что сэр Джон превосходно осведомлен о ее успехах. Он мог связывать ее достижения с наставлениями мужа или уроками, преподанными отцом или другим родственником, но Бретт не думал, что предубеждение этого человека против женщин полностью ослепило его и он не понимает, кто в основном трудился на благо Банулта. Помимо всего прочего, сэр Джон наверняка достаточно хорошо знал сэра Бойда, знал его возможности и недостатки.

Оскорбления сэра Джона требовали ответа, но Бретт придержал язык. Хоть он представился и ясно дал понять, что и сам, и его люди будут помогать Катрионе, Бретт понимал, что, если надавит слишком сильно, Катрионе это дорого обойдется. Ее люди пока не готовы к войне с Грантами. Не готовы они и к надежной обороне Банулта, не смогут избежать нового ущерба, наносимого полям и скоту. Пока они не обучат защитников клана, придется быть осторожнее. Но это не значит, что нельзя и дальше добывать сведения о сэре Джоне.

Бретт чуть придвинулся к Катрионе и с трудом сдержал улыбку, заметив, как она отступила назад и прижалась к стволу дерева.

– Думаю, он знает, что именно вы выполняете тут всю работу, причем довольно давно. Он может придумать множество отговорок, приписывать все успехи какому-нибудь мужчине, но он это знает. Полагаю, он давно гадает, насколько вы можете быть полезны Гормфераху.

– Ну теперь, когда вы сообщили о своих намерениях, он начнет думать, как бы вам помешать! – воскликнула Катриона, снова начиная злиться. – Я и вправду думаю, что лучше бы ему не было известно о вашем обещании помочь нам хотя бы еще какое-то время.

– Возможно, но я с вами не согласен. Он приехал посмотреть на нас, увидеть меня и моих спутников поближе. Бьюсь об заклад, его люди уже упоминали о нас и этим разожгли его любопытство. Ерунда все это. Что сделано, то сделано. Вы же не ждали, что я буду молча стоять в стороне, пока он вас оскорбляет и откровенно вам угрожает, правда?

– Еще как ждала. Он постоянно это делает.

– Ну так теперь пусть прекращает!

В его голосе зазвенел металл, что заставило Катриону вздрогнуть. То, как сэр Джон разговаривал с ней, рассердило этого мужчину, и это и изумило Катриону, и возбуждало. Она не могла припомнить ни одного мужчины, разгневавшегося из-за дурного обращения с ней. Ее слегка удивляло, что это, оказывается, так по-настоящему привлекательно. Впрочем, вряд ли она успеет к этому привыкнуть и впасть от этого в зависимость. Сэр Бретт ненадолго задержится в ее жизни.

– Это вряд ли. Он мыслит так же, как множество других мужчин, и не собирается ничего менять. Поэтому я и собираюсь сделать все возможное, чтобы не стать женой этого болвана.

Бретт уперся руками в ствол, словно заключив ее в объятия.

– Неужели вы никогда даже не рассматривали такую возможность? Наверняка же задумывались хоть на минутку, представляли, насколько проще станет ваша жизнь, если он и его люди будут вам помогать.

– Никогда, ни на миг! Я хорошо его знаю. Он много раз приезжал в Банулт, когда еще был жив мой муж. А еще я слышу, что о нем говорят его же люди. Пусть мой муж был человеком холодным, мрачноватым и таким благочестивым, что рядом с ним любая монашка почувствовала бы себя грешницей, но характер у него был спокойный, и он никогда не поднимал на меня руку. А вот когда я много лет назад впервые увидела сэра Джона, сразу поняла, что ему ничего не стоит избить жену. И все, что о нем рассказывают, только подтверждает мою мысль – сэр Джон легко впадает в гнев и легко причиняет боль, когда сердится.

Катриона выросла в подчинении такому мужчине и решительно не желала испытать подобное снова. Впрочем, сэру Бретту Марри об этом знать не обязательно. Катриона честно признавалась себе, что ей будет неловко, если он узнает, как она страдала под гнетом властного отца.

Катриона покосилась на руку Бретта прямо у ее головы. Их тела оказались так близко, что она ощущала исходивший от него жар. Переведя взгляд на его лицо, она нахмурилась, заметив, что в его глазах сверкают веселые искорки.

– Думаю, нам пора вернуться в замок, – сказала Катриона, но как бы себя ни уговаривала, ей почему-то совершенно не хотелось двигаться с места.

– Еще минутку.

Он не хотел, чтобы она начала гадать, что сейчас произойдет. Просто взял и поцеловал ее. Слегка прикоснулся к ее рту губами, наслаждаясь мягкостью и теплом. Он тут же понял, что она толком не умеет целоваться, и мысленно обругал ее мужа. Впрочем, исключительно потому, что пожалел ее, но в душе испытал удовлетворение – он может дать ей то, чего никогда не давал муж. Женщина, шесть лет бывшая замужем, но не умеющая целоваться, это женщина, спавшая в холодной постели, и Бретт не сомневался, что сможет отогреть ее.

Катриона задрожала, изо всех сил стараясь стоять спокойно. Прильнувшие к ее рту губы были такими теплыми и на удивление мягкими для такого крупного, сурового мужчины. Он словно гладил ее губы своими, дразнил языком, и внизу живота у Катрионы начало разгораться пламя. Не успев понять, что делает, она обеими руками вцепилась в его сюрко[2] и крепко прижалась к Бретту. То, как он касался языком ее губ, слегка смутило Катриону, но затем она осторожно приоткрыла рот.

Ее охватило потрясение, когда он ворвался языком к ней в рот и начал ласкать его. В жизни своей она не чувствовала себя такой живой, такой возбужденной и одновременно испуганной. Она хотела большего, хотела прижаться к нему еще сильнее, но при этом хотела бежать прочь. Всего было слишком много, слишком неожиданно чтобы выдержать.

Тут Бретт отодвинулся, и Катриона, завороженная, молча уставилась на него. Он чуть склонил голову набок и улыбнулся такой самодовольной мужской улыбкой, что мгновенно вернул Катриону к действительности – так быстро, что даже голова закружилась. Она попыталась собрать остатки достоинства, решительно выпрямилась и резко оттолкнула Бретта.

Одарив его взглядом, который, как она надеялась, точно объяснял, до чего неприлично он себя повел, Катриона зашагала к замку. Она бы с радостью сказала Бретту пару едких слов, но побоялась, что голос ее выдаст и рыцарь поймет, что на самом деле она далека от гнева. По правде говоря, она удивлялась, что вообще в состоянии идти, да еще уверенно, потому что до сих пор дрожала от невероятно сильных ощущений. Катриону никогда так не целовали. Бойд иногда прижимался губами к ее губам, особенно когда ухаживал за ней, но

[2] Сюрко – накидка, надеваемая в Средние века поверх доспехов.

никогда не запускал язык ей в рот. Она бы даже подумала, что этот мужчина задумал что-то неладное, да только видела раньше, что другие тоже так целовались.

Катриона добралась до дома и почти дошла до двери своей спальни, и только тогда сердце ее перестало бешено колотиться, а кровь слегка остыла. Она вошла в спальню и прямиком кинулась к тазу с водой для умывания. Холодная, как раз то, что нужно. Поплескав водой в лицо и окончательно успокоившись, Катриона вытерлась и плюхнулась на кровать.

Разум ее говорил, что больше никаких поцелуев с сэром Бреттом быть не должно, а то, что заставляет кровь так жарко пылать, опасно, и любая женщина, желающая оставаться праведницей, обязана избегать этого. Но всем своим естеством Катриона жаждала повторения. Это страсть. Именно она заставляла Джоан краснеть как девчонку, когда Эйдан ей подмигивал. Именно ее она мечтала обрести в объятиях мужа, а испытала лишь горькое разочарование.

Нужно все хорошенько обдумать, решила Катриона. Думать долго и серьезно. Этот мужчина не собирается оставаться в Банулте навсегда, не будет обхаживать ее и звать замуж, поэтому нужно учитывать, как отнесутся к этим поцелуям ее люди. К примеру, Джоан считает, что она слишком много думает о приличиях, но ведь это важно. Для Катрионы быть лэрдом Банулта означало, что люди должны ее уважать, а они редко выказывают уважение женщинам, готовым целоваться с мужчинами, которые им не мужья и даже не женихи.

Но этот поцелуй заставил ее возжелать куда большего, чем просто еще один поцелуй. Тело томилось и молило о большем. Катриона поражалась – она никогда не думала, что снова захочет лечь в постель с мужчиной, однако сейчас точно знала, чего требует ее тело. И еще она не могла перестать мечтать, каково это, лечь в постель с Бреттом. В общем, необходимо решить, чем она готова рискнуть ради еще одного поцелуя… или чего-то большего.

Бретт ухмылялся, глядя вслед удалявшейся Катрионе. Ее приятно округлые бедра покачивались при каждом гневном шаге. Поцелуй оказался таким сладким, в нем было все, о чем он только мог мечтать. Даже лучше, потому что он ничем не напомнил ему Бренду. Бретт даже не уловил аромата своей прежней любви.

Он несколько раз глубоко вдохнул, освобождаясь от вожделения, затуманившего сознание, и тоже направился в сторону замка. Тело Катрионы Маки таит пылкую страсть, и он хотел испробовать ее всю. Бретт уже задумался, сколько времени потребуется, чтобы соблазнить ее.

И тут к нему внезапно вернулась непрошеная совесть. Он остановился и негромко выругался. Леди Катриона Маки – респектабельная вдова, лэрд и женщина, которую изводит сосед, пытающийся принудить ее выйти за него замуж, чтобы заграбастать ее земли. Нехорошо с его стороны думать о соблазнении подобной женщины. Катрионе и так хватает бед.

Однако его одолевало плотское желание. Бретт сомневался, что сумеет удержаться от нового поцелуя, не прижать это пышное тело к себе, если ему вдруг выпадет еще один шанс. Он попытался успокоить совесть напоминанием о том, что земли этой женщины ему совершенно не нужны, и к замужеству он ее принуждать не будет и занимать место лэрда не собирается – но при этом прекрасно понимал, что соблазнять ее будет нехорошо.

Несмотря на то что Катриона пробыла несколько лет замужем, Бретт не сомневался, что она почти невинна во всем, что касается отношений между мужчиной и женщиной, и это его тоже искушало. Он хотел быть тем, кто подарит ей наслаждение – наслаждение, которого ее благочестивый и холодный муж ей наверняка никогда не дарил.

– Такое бездарное расточительство, – пробормотал он, входя в ворота.

– Какое расточительство? – спросил Каллум.

Бретт обернулся и увидел, что тот прислонился к створке открытых ворот и смотрит на него. А по глазам Каллума было видно, что он наблюдал, как они с Катрионой целовались.

И даже намек на гнев. Бретта охватила досада – как тот смеет осуждать его? Но при этом он одобрял порыв Каллума встать на защиту Катрионы.

– Я решил, что муж миледи напрасно потратил годы, проведенные с женой, – объяснил Бретт. – Она назвала его холодным, благочестивым и мрачноватым. Подозреваю, что это описание не только мужа, но и всего их брака. Если я прав, этот мужчина был совершенным болваном, ведь он женился на красивой девушке, в которой нет ничего от этих качеств.

– Однако она хорошая женщина да еще тянет на себе такую ношу, – заметил Каллум.

– Знаю. – Бретт вздохнул и уставился на тяжелые деревянные двери, ведущие в замок. – Но еще знаю, что, имея мужа, она спала в холодной постели, а теперь сосед-ублюдок принуждает ее к новому тягостному браку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.